ПереКРЕСТок одиночества

Автор:
Дем Михайлов

ПереКРЕСТок одиночества

Дем Михайлов

Крест #1

Дем Михайлов – известный российский писатель-фантаст, один из основоположников ЛитРПГ, автор популярных циклов романов в жанрах фэнтези и боевой фантастики. Представляем его роман «Перекрёсток одиночества». Главный герой многого добился в этой жизни – и заскучал. Заскучал по временам, когда шёл к цели и каждый прожитый день был наполнен смыслом и борьбой. Что ж, судьба даёт ему возможность снова испытать эти чувства. Правда, в условиях, совсем некомфортных. Герой оказывается в странном месте, где каждый день нужно бороться за жизнь. Где чтобы поесть и согреться – нельзя расслабляться ни на минуту. В месте, которое стало его тюремной камерой и маленькой вселенной. Сможет ли он понять, где оказался, и выбраться? Ответ даст книга.

Дем Михайлов

ПереКРЕСТок одиночества

Часть первая

Страх

Глава первая

Дрожа, клацая зубами, обхватив согнутые колени, я освободил на секунду левую руку и подтянул к себе задребезжавший пакет с мусором. Подтянул бережно. Пакет важен – ведь он был со мной, когда все это началось.

Пакет с мусором был со мной, когда началась эта безумная история, закончившаяся здесь – в ледяном мокром мраке переполняющего меня ужасом…

А это мысль – вспомнить все с самого начала. Проследить цепочку событий. Главное отбросить сейчас всякую потустороннюю чушь и мыслить здраво. Это мое единственное спасение.

Голова болела. Во рту сухо. Вспоминать тяжело, похмелье долбит в виски раскаленными молотками, к горлу подкатывает тошнота. Думать не хочется. Но вспомнить надо. Там особо и вспоминать нечего.

Весь этот бред начался часов семь назад…

И начался он как один из обычных моих вечеров.

Я человек в меру успешный. В свое время поднялся с низов. И низы – это когда в холодильнике ничего, кроме хлеба и пары луковиц репчатого лука, в гардеробе затасканные, штопаные джинсы, застиранные футболки сероватого цвета, а в ванне брусок хозяйственного мыла выступает сразу во многих ипостасях – стиральный порошок, мыло для тела, шампунь и гель для бритья. Зато жить было интересно. Интересно было рваться, выкладываться по полной программе, стремиться изо всех сил вверх, к сверкающему богатому будущему.

Своего я добился.

Стал обеспеченным в тридцать пять. Имею стабильный пассивный доход. Мне больше ничего не надо делать. А учитывая мои достаточно скромные запросы, по сию пору мои расходы меньше доходов. Так что я понемногу богатею каждый день.

И жить стало неинтересно.

Женщины? Имеются такие в моей жизни. Скучающие красотки средних лет, не хотящие обременительных долгих отношений. Я их желание полностью разделяю.

Путешествия? Много где побывал. Есть еще не посещенные страны. Но я быстро понял, что если ехать – то ехать дикарем, а не в качестве гостя дорогого отеля. Иначе ничего не увидишь – пара экскурсий с болтливым гидом не в счет.

Хобби? Есть. Собираю марки и редкие книги. Стал весьма увлеченным этим делом. А потом понял, что это просто еще одно вложение денег в надежную сферу. Интерес угас.

И я стал пить.

Пить дома и в барах.

Немного.

Сидя дома, мог уговорить пол-литровую бутылку водки за просмотром старых фильмов с Челентано и Бельмондо.

Сидя в баре, выпивал чуть больше.

Так проходил день за днем. Я медленно стал замечать, что в моей жизни все меньше женщин, спорта и книг, зато все больше алкоголя. Но мне было все равно. Жизнь удалась. Мне не требовалось думать о завтрашнем дне.

В тот день я проснулся поздно даже по моим неторопливым меркам – к пяти вечера. Неохотно встал. Немного привел себя в порядок. Сгреб в мешок весь мусор со столика. Еда, остатки алкоголя, запивон. Оделся, прихватил немного наличных. И вышел из квартиры. От подъезда к мусорке направо. А я почему-то свернул налево и, пройдя пару домов, заскочил в хорошо знакомое мне питейное заведение «У Тохи». Сам Тоха – Антон Палыч, но не Чехов, мужик под пятьдесят, всегда серьезный и спокойный, был за барной стойкой. Туда я и сел. А мешок с мусором опустил под ноги. Антон дернул бровью, но промолчал. Просто налил

мне водки, поставил рядом апельсиновый сок и миску с соленым арахисом. Люблю я этот странный микс… глоток водки, глоток сока, горсть орешков… Иногда просто смешивал водку с соком и потягивал сладкое пойло.

Вечер тянулся как всегда. Я глядел в телевизор, потихоньку накачивался водкой. Где-то к полуночи засобирался домой, с удивлением осознав, что весь вечер провел в компании с мешком мусора. Я потянулся за деньгами. И тут ко мне подсел он…

Кто он?

Обыкновенный мужичонка. Небритый. Со скверной бюджетной прической. Одежда старая, но чистая. Лицо неприметное. Глаза вроде зеленые. Я уже был пьян.

И ведь я уже собирался уходить… но мужичок подозвал Антона и заказал практически то же, что и я. Только вместо апельсинового сока он выбрал натуральный клюквенный морс. Я вдруг захотел попробовать на вкус водку с клюквой. Странно – столько лет потребляю различные коктейли, а вот с клюквой водку еще ни разу не пил. И я попросил мне того же. Мужичок глянул на меня. Я ответил взглядом на взгляд. И мы разговорились…

Через полчаса мы уже успели выпить по паре клюквенных коктейлей и обсудить всякую ерунду. Футбол, политика, погода, дороги, женщины. Стандартный набор барных тем. Ничего серьезного. Словесная жвачка, убивающая время и придающая видимость смысла пьяному разговору.

А затем разговор вдруг свернул на другие темы. Мы заговорили о жизни. Об интересе жить. И я, закусив вдруг удила, с удивительной откровенностью признался, что давно уже потерял интерес к жизни. Нет-нет, я не самоубийца, жить буду и дальше, вот только серо как-то все вокруг. Ничего, никого и никуда не хочется. День пролетает за днем.

Но ведь я хочу! Хочу жить! Вот только не так – не в праздном спокойствии многого добившегося человека.

Я хочу рваться! Хочу биться! Я… хочу выживать! Хочу вернуть те старые деньки, когда приходилось прогрызать себе дорогу, пробивать ее кулаками, отпихивать

и расталкивать локтями соседей.

В те дни любая моя ошибка, любая слабость, любое потакание себе могли мне дорогого стоить. И я держался. Ограничивал. Бился. Старался. И вот добился… и жить стало скучно.

Вернуть бы те деньки!

Но как?

Начать все сначала? Раздать имущество и деньги неимущим, уехать в другой конец необъятной страны и там начать все с чистого листа? Признаюсь – думал об этом безумии. Но ведь это глупо… и это все равно не то. Потому что сумею опять же встать с колен, сумею опять заработать денег. Ведь свой опыт и знания я здесь не оставлю – увезу с собой и там они быстро помогут мне. Я всегда старался быть универсальным. И у меня получилось. А когда получилось… мои умения парадоксальным образом стали балластом. Ненужным мне залогом успешности.

Да.

Так вот я странный.

Другие люди жилы рвут, чтобы добиться успеха и финансовой стабильности. Те, кто добился – живут припеваючи, наслаждаются жизнью и боятся лишь одного – возвращения плохих деньков.

Я же мечтаю о тех днях, когда из всех разносолов у меня был только лук, растительное масло и соль. Ну может еще драгоценная пачка дешевой лапши, сберегаемая на конец недели.

Не знаю, почему меня потянуло на такую откровенность. Но я выложил все, что бурлило, кипело или просто гнездилось где-то глубоко-глубоко в моей душе. Выложил все как на духу. С предельной откровенностью.

Само собой я ожидал удивления на лице собеседника. Еще бы! Богатый мужик средних лет и с неплохой фигурой плачется о том, как ему плохо оттого, что у

него все хорошо. Он либо зажрался, либо потерял связь с реальностью, либо просто потихоньку спивается и вот-вот скатится на дно, после чего получит то, что хотел – нищету.

Но нет.

Меня внимательно выслушали. С пониманием покивали. Согласились с тем, что мужик должен оставаться мужиком. Должен каждый день рвать жилы ради достижения некой далекой и крайне трудной цели. Каждый день! Что очень плохо, если цели больше нет. Очень плохо, когда один сытый день сменяется другим сытым и пустым днем.

Я не ожидал такой реакции. Более того – это было не поддакивание. Всем своим нажитым внутренним чутьем я ощущал – мужичок говорил правду. Он действительно разделял мою точку зрения.

Чего я не ожидал еще больше, так это более чем странного вопроса.

Вопрос прозвучал буднично, произнесен был обычным невыразительным тоном.

И звучал примерно так:

«Появись шанс оказаться в очень трудной ситуации, где придется приложить немало сил для того, чтобы остаться в живых… я бы согласился?»

По въевшейся привычке взяв паузу в несколько секунд, я покатал во рту клюквенный сок сдобренный водкой и кивнул.

Да. Согласился бы.

«Даже зная, что возврата назад не будет? Зная, что не смогу вернуться назад к прежней сытой жизни?»

Еще одна короткая пауза. И еще один кивок.

Да. Согласился бы. При условии, что тамошняя жизненная ситуация действительно окажется необычной.

Мужичок заулыбался, мы стукнулись бокалами. А затем он глянул на дешевые наручные часы и заспешил. Ему пора. Уже опаздывает. Но он очень рад нашему знакомству. Очень рад. Мы обменялись рукопожатием – я удивленно отметил его неожиданно крепкую хватку. Пальцы жесткие, можно сказать, стальные. Чувствуется – стоит ему захотеть, и он сомнет мою кисть небрежным усилием. А ведь я тоже парень не из слабых…

Мужичок ушел.

Оставшись в одиночестве, я заказал еще немного водки. Выпил. Запил клюквенным соком. Расплатился по счету. И попрощавшись с Антоном, пошел на выход, не забыв прихватить мешок с брякающим мусором.

Под мелодичный звон колокольчика за мной закрылась дверь.

Кто-то толкнул меня в спину. Мягко, но сильно. Оборачиваясь, я невольно сделал два шага вперед. Чтобы удержать равновесие и не рухнуть на асфальт. Сзади стоял тот самый улыбающийся мужичок. Он поднял руку в прощальном жесте и сказал:

– Постарайся выжить. И помни – выбор за тобой.

Сказать что-то в ответ или просто выругаться, обматерить за глупую шутку, я не успел. Меня накрыло серым холодом. Именно так – серым холодом. Перед глазами разлилась серая туманная мгла, что обожгла кожу зимним холодом. Короткое ощущение падения. Легкая паника. И подошвы вновь утыкаются в твердую поверхность. Стою. А вокруг чернота…

Через миг меня скручивает рвотная судорога. Падаю. Колени с плеском уходят в ледяную воду. Меня выгибает. Рвота рвется из горла фонтаном. Меня корежит. Трясет. А затем в мозгу взрывается белая вспышка… и сознание милосердно покидает меня…

Очнувшись, я засмеялся.

Не каждый день напиваешься настолько сильно, что вырубаешься в наполненной холодной водой ванне, а подсознание подкидывает столь

пугающие сновидения. Почти наверняка жестокая простуда обеспечена. Надо завязывать с алкоголем. На губах вкус клюквы и рвоты. Ужасное сочетание. Вытянув руку, я попытался нащупать край ванны, чтобы ухватиться за него и подняться. Но пальцы нащупали пустоту. В следующий раз надо хотя бы свет в ванной включенным оставлять. Я вытянул другую руку – к другому бортику, где были установлены вентили. Глупо вылезать. Надо включить подачу горячей воды и хорошенько отогреться, попутно раздеваясь и бросая одежду на пол. Согревшись, выберусь, приму несколько таблеток алька-зельтцера, сделаю легкий коктейль, прихвачу планшет и вернусь в ванную еще на часик. Отмокну. Воды бы еще выпить литра полтора. И прямо сейчас. Губы пересохли от обезвоживания, распухший шершавый язык еле ворочается. Пока размышлял, рука слепо шарила в темноте. И не нащупал ни бортика ванны, ни вентилей, ни обложенной красным кафелем стены. У меня большая ванна. Но все же не настолько…

Упавшая ладонь плеснула в обжигающе холодную воду. Пальцы заскользили по твердой шероховатой поверхности. Щербинки, сколы, широкие трещины. Я лежу на бетоне… на старом потрескавшемся мокром бетоне. Такого пола в моей квартире нет. Я не дома… да у меня в гараже покрытие на полу в разы лучше, чем это убожество.

Первый раз плеснулась в душе паника.

Плеснулась. Затихла. И черным гейзером взорвалась у меня в мозгу.

Где я?!

Я рванулся. Начал вставать. Слепо взмахнул рукой, в тщетной попытке зацепиться за воздух. Неожиданно рука ударилась о нечто куда более крепкое и жесткое. Что-то вроде трубы, в которую я мигом вцепился и потащил себя вверх. Со скрежетом труба пошла вниз. Я опять рухнул в лужу. До ушей доносится отчетливый щелчок. Через секунду труба ушла обратно вверх, утягивая меня с собой.

Спустя миг произошло сразу несколько событий.

Я оказался на ногах.

Послышалось далекое гудение. С двух сторон. Это я расслышал совершенно точно.

А затем кромешная темнота превратилась в багровый сумрак. Над моей головой зажглись две огненные щели, пахнуло теплом. Волна тепла ударила и по ногам – опять же с двух сторон. Тяжелое мрачное освещение вернуло мне зрение. И я увидел сначала одну, а затем и вторую стену. Коридор. Я стою в широком тускло освещенном коридоре. До другой стены метра три с небольшим. Может это комната? Но я вижу только две стены, слева и справа от себя. Позади темнота. Впереди темнота. Мне в спину и в лицо дышит сухое тепло. А ноги от ледяной воды уже онемели, сейчас сведет судорогой.

Заметив в паре шагов от себя возвышение правильной формы, рванулся туда. Опять едва не упал. Вернулась тошнота. Пришлось пригнуться и чуть постоять. Пока стоял, внезапно погасли огненные щели, исчезли потоки теплого воздуха. Ладно… медленно поведя рукой, нащупал трубу, потянул с усилием вниз, запоздало поняв, что это не труба, а мощный металлический рычаг, торчащий из стены. Послышался щелчок. Зажегся багровый свет. Ударили волны тепла. Ногам по-прежнему очень холодно. Я дернул рычаг еще раз. Он даже не пошевельнулся. Вернулся в верхнюю точку и там заблокировался намертво.

Схватив пакет с мусором, добрался до возвышения и забрался на него. Подтянул ноги к груди. Ожесточенно принялся растирать щиколотки, почему-то боясь снять обувь – будто за короткое время в ледяной воде они уже успели посинеть, побелеть и умереть. Боялся увидеть гангренозные пальцы и узор черных вен по белой коже.

И зачем мусор с собой прихватил? Ведь это мусор…

Ошеломленное сознание впало в ступор. Осознал, что слепо пялюсь на промокшие джинсы и вообще ни о чем не думаю. Сколько я так просидел? Пару минут?

Словно услышав мои мысли, освещение исчезло. Прекратилась подача теплого воздуха. И сразу стало холоднее. Заклацав зубами, я высвободил левую руку и подтянул к себе мешок с мусором.

Меня окружает ледяной черный ад.

Надо собраться с мыслями.

Надо прийти в себя. Прекратить совсем несвойственную мне истерику, откинуть ненужные сейчас эмоции.

Для этого надо сделать следующее – перестать сидеть и начать решать проблемы.

Есть ли у меня проблемы?

Море!

Я в море проблем!

Чтобы не барахтаться, надо выбрать самые насущные и в первую очередь сконцентрироваться на решении именно этих проблем.

И что это за проблемы?

Тут и думать нечего.

Меня жутко тревожило отсутствие света и тепла.

Тревожило свое физическое состояние – меня начало трясти и это не только мандраж. Это и переохлаждение.

Меня тревожило наличие холода и ледяной воды.

И меня жутко тревожил тот факт, что я не знаю, где нахожусь. Что это за место?

Мелькнул еще один вопрос – а реально ли все это?

Но вопрос мелькнул и тут же пропал – причем навсегда. Уж в этом я был уверен твердо. Уверен полностью – меня окружает реальность. Я не в коме. Я не в наркотической галлюцинации.

Это реальность…

А худшее, что может сделать любой настоящий мужик, – это попытаться отвергнуть реальность. Не получится. Реальность даже не заметит твоей попытки, а потом сделает тебе очень больно.

Проблемы… их решение…

Проблемы… их решение…

Соберись. И начинай действовать. Немедленно.

Чтобы было легче – сфокусируйся на той проблеме, которую решить быстрее и проще всего.

Ощупав штанины, отжал их. Стащил обувь и носки. Выкрутил носки. Положил их на колено. Вытряхнул влагу из обуви. Протер ее изнутри носками. Отжал носки еще раз. Повторил процедуру с обувью. Вытянув руку, нащупал стену и подошвами вверх положил рядом с ней легкие туфли. Может чуть просохнут. Потом надо не забыть перевернуть подошвами вниз, чтобы остаткам воды было легче испаряться. Отжав носки третий раз, протер ими задубевшие ноги. Принялся растирать голени, разминать их. Вскоре стало теплее – кровоснабжение восстановилось в полном объеме. Пошевелив зябнущими пальцами ног, начал расстегивать рубашку.

Попутно пытался оценить температуру вокруг себя.

Если верить моим ощущениям – около нуля по Цельсию. Может чуть-чуть ниже. Вряд ли выше. В воде был лед, это я отчетливо помню. Довольно толстые куски и пластины. Но была и вода. Причем пресная – ее немало попало мне в рот. Затхлая, но пресная. Даже думать не хочется, сколько всякой гадости я проглотил вместе с водой.

Ноль по Цельсию. А я мокрой легкой одежде. С пустым желудком. Просто отлично. Еще не хватало таблички над головой – «Желаю умереть от пневмонии в расцвете лет!».

Выжав рубашку, остался в джинсах и трусах. Их пока снимать не стал. Неизвестно как обернется ситуация. Если сейчас сюда ворвутся журналисты с камерами или кто похуже, не хотелось бы предстать перед ними в чем мать родила.

С одеждой закончено.

Пора добавить чуть тепла. А значит, снова придется в темноте лезть в ледяную воду. Бедные мои ноги. Спускаясь с возвышения, ненадолго заколебался – не дай боже, напорюсь босой пяткой на иззубренный кусок стекла. Мне только борьбы с обильным кровотечением не хватало в спартанских условиях. Плюс кровопотеря вызовет еще более скорое замерзание. Но страхи не могли решить моих проблем. Я опустил ступни в ледяную воду. Обожгло как кипятком. Я невольно застонал сквозь стиснутые зубы и заторопился вперед, выставив перед собой руки и шагая по памяти.

Раз шаг. Два. Три. Еще один маленький… рука натыкается на рычаг. Я тяну его вниз.

Щелчок.

Я спешу обратно, не дожидаясь пока посветлеет.

И тут же получил сокрушительный удар по мизинцу правой ноги. Вскрикнув, запрыгал на месте, поджав ушибленную ногу. В багровом свете вижу лежащую на полу гирю, о которую и ушибся. Солидная такая гиря. Не меньше пуда. Оценив ее местонахождение, решил убрать ее с пути между возвышением и рычагом. Схватив за ручку, тащу с собой и ставлю чуть в стороне. Взбираюсь на возвышение и выпрямляюсь во весь рост, держа над головой расправленную рубашку, подставляя ее под гудящие потоки теплого воздуха. Хорошо выжатая рубашка выгибается парусом то в одну, то в другую сторону, трепещет на встречных ветрах. Когда ее выгибает особенно сильно, часть воздуха отклоняется вниз, накрывая меня блаженным теплом.

Я безмолвно шевелю губами, высчитывая секунды, а затем и минуты.

Примерно через три минуты освещение погасло, потоки горячего воздуха иссякли.

Три минуты. Да они издеваются.

Пока вокруг меня был желтовато-багровый сумрак, а не кромешная темнота, удалось кое-что подметить. Если точнее – подметить удалось очень многое, но пока я привычно отсек ненужное. Нужно сфокусироваться.

Что я имею насчет света и тепла?

А то, что это полный беспредел – ради того, чтобы получить немного тепла и света всего на три минуты, мне приходится лезть в ледяную воду, дергать за рычаг и еще возвращаться обратно. И путь туда мне приходится преодолевать в темноте. Мизинец на ноге саднит до сих пор – а ведь мог и сломать о чертовую гирю.

Процесс понятен. Просто и жестко. Хочешь тепла и света – дергай за рычаг раз в три минуты.

Процесс надо оптимизировать.

И благодаря ушибленному мизинцу, легкому ходу рычага и замеченной на стене удивительной вещи, я, пожалуй, смогу немного облегчить себе жизнь.

Встав, нащупал стену и заскользил по ней осторожно ладонями. Пальцы миновали пару крохотных ниш, задев несколько мелких предметов. Они мне пока неинтересны. Я остановился, когда наткнулся на искомое – несколько витков тонкой веревки. Самая настоящая веревка, висящая на вбитом или вставленном между странными почти квадратными кирпичами деревянном колышке. Да. Именно так. Обрывок средневековой на вид веревки, деревянный колышек, стена из странных кирпичей.

Голова пухла, хотелось сесть и разобраться хоть немного. Но в первую очередь мне нужно тепло и свет.

Оценив длину веревки, с сожалением принялся снимать с себя ремень – не хватает чуть-чуть.

Еще через несколько минут я без колебаний сполз в ледяную воду и, прихватив с собой гирю, пошлепал к противоположной стене загадочного коридора. Нащупал рычаг. Примерился. Установил почти под ним тяжелую пудовую гирю. Дернул за рычаг. Дождался багрового света. Привязал к концу рычага веревку. Пропустил другой конец веревки через дужку гири и, держа его в руке, заспешил обратно. Взобрался на возвышение – которое уже успел рассмотреть и понять, что оно сложено из тех же кирпичей и является либо слишком высоким топчаном, либо слишком широким столом. Хорошенько растер ноги, обтер их носками, которые опять отжал и повесил сушиться.

И принялся ждать.

Через минуту свет погас.

Я выждал секунду и с мягким усилием потянул веревку. Она не поддалась. Дернул сильнее. Эффекта нет. Выругавшись, сполз со стола и в несколько шагов оказался у рычага. Нащупал. Потянул. Из темноты донесся щелчок.

Зажегся свет.

С гудением пришли потоки тепла.

Вернувшись, принялся сушить рубашку, стараясь держать ее так, чтобы немалая часть тепла шла к моему озябшему телу. Простоял долго – еще четыре раза тянул за рычаг. Через четверть часа почувствовал наконец, как расслабились застывшие мышцы. Дышать стало легче. Ушел озноб. В коридоре обозначилась граница тепла – стоило опустить руку ниже стола, и сразу ощущался плещущийся там зябкий холодок.

Итоги?

Одежда почти сухая. Я согрелся и меня больше не трясет. Опасность простудных заболеваний никуда не делась, а у меня нет лекарств. У меня нет теплой одежды. Благодаря рычагу я смогу поддерживать у потолка и над столом приемлемую температуру. Но вот ведь проблема – я должен дергать за рычаг каждые три минуты. Пока все норм. Но я не машина. И мне нужен сон. Засыпать и просыпаться через каждые три минуты, чтобы дернуть за веревку я не смогу.

Может меня отсюда заберут раньше?

Кто заберет?

И нет – не заберут. Опять это странное внутреннее чувство, что я встрял сюда надолго.

Куда сюда? Не знаю. Но делаю все возможное на текущий момент, чтобы расширить свои познания о месте вокруг меня, не покидая при этом теплого кирпичного стола.

Как не крути, но я вижу коридор. Очень широкий коридор. Почти напротив стола, на котором сижу, находится небольшая ниша с рычагом. В этой нише я очнулся. В этой же нише до сих пор колеблются на почти успокоившейся воде остатки моей рвоты. Багровое освещение огненных щелей выхватывает из темноты примерно шагов десять пространства. Вон до того участка стены вижу, а дальше нет… все вокруг темнеет, и я снова дергаю за рычаг.

Свет возвращается. Я удивленно замираю – он уже не настолько багровый и тусклый. Определенно стал ярче и ровнее, оттенок сменился к желтоватому. Почему? Я просто дернул за рычаг – как и до этого. А тепло? Вскочив, я поднял руку… и удивленно хмыкнул – воздушные потоки определенно стали чуточку сильнее.

Событие меня так удивило, что я просидел неподвижным истуканом следующие три минуты. И был еще раз удивлен – спустя три минуты свет не исчез, потоки тепла продолжали сталкиваться под потолком и рассеиваться в стылом коридоре.

Четвертая минута подошла к концу…

Свет не исчез.

Пятая отсчитала секунды…

Свет и тепло все еще здесь.

Шестая…

И темнота явилась.

Я мягко потянул за рукоять. Щелчок. Свет вернулся. Такой же, как в прошлый раз – более яркий и не настолько мрачный. Столь же усилившиеся потоки тепла щедро расточали тепло. По кирпичной стене медленно сползал исчезающий иней – выше он давно пропал. Да и с потолка порой срывалось несколько обжигающе холодных капель, шлепающихся мне на голову и плечи.

Так что же получается?

Я дернул за рычаг около пятнадцати раз. И получил прибавку в свете и тепле. Вместо трех минут отопление и освещение работают целых шесть. Увеличение на сто процентов по длительности и процентов на двадцать в силе.

А если я дерну за рычаг еще пятнадцать раз – то получу ли очередной бонус? Мм?

Я проверю. Обязательно проверю. По разу в шесть минут… это девяносто минут. Вполне мне по силам. Тем более особо заняться и нечем.

Я задумчиво потер ладонь о ладонь и грустно засмеялся – почувствовал себя умной лабораторной крысой, помещенной в особые условия и подвергнутой эксперименту. Дернула крыса за рычаг – и вот тебе кусочек сыра.

Кстати, о сыре – что с едой?

И питьем?

Этими вопросами займусь чуть позже. Пока надо продолжить осмотр коридора. И пока что оставаясь на месте.

Освещение…

Пошлепав пересохшими губами, поморщился и решительно подтянул к себе пакет с мусором. Короткая небрежная ревизия дала мне почти пустую

полулитровую бутылку с водой и, считай, непочатую упаковку апельсинового сока. Сделав пару глотков сока, допил воду, смывая приторную сладость с языка. Взглянул на огненные щели наверху.

Это не щели, по сути. Просто выглядят так. Да и освещение едва заметно трепещет – отсюда ощущение того, что там полыхает огонь. Это вырезанные в стене длинные узкие проемы, забранные стеклом. Светильники крайне странные – как и все вокруг меня.

Свет моргнул и угас.

Я потянул за рычаг. Щелчок и вернувшийся свет дали понять, что на следующие шесть минут все в порядке. А какой интервал интересно? Я дергаю за рычаг сразу же – едва только свет гаснет. А если дерну через минут пять? Исчезнет ли бонус? Сократится ли период света и тепла до стартовых трех минут?

А это что?

Подавшись вперед, сидя на краю облюбованного каменного стола, вгляделся в границу между светом и тьмой. Там в стене темнело пятно правильной квадратной формы. Что это?

От меня пятно шагах в десяти. Всего десять шагов. Но пол залит ледяной водой. И мне категорически не хочется мочить ноги. Я только-только отогрелся. Но уже чувствую влажность в носу и першение в горле. И это крайне неприятные для меня в текущей ситуации признаки. Если свалюсь с жесточайшей простудой и без медикаментов, да еще здесь, в этом аду… я просто умру.

Апельсиновый сок. Я сделал еще пару глотков. Отставил упаковку. С бренчанием порылся в перепачканном пакете мусора. Отыскал недоеденные кукурузные чипсы. Высококалорийная пустая еда. Раньше я позволял себе пачку чипсов в неделю. В воскресенье – мой обычный наградной день, когда я сам себе торжественно вручал различные поощрительные награды за ударно прошедшую неделю. Сейчас же чипсы я себе позволяю куда чаще. И уже не читаю, сколько там калорий указано на упаковке.

Чипсы доел. Выбрал из пакета крошки. Отправил в рот. Мне нужно быть здоровым. А значит, нельзя допускать голода. Сытый человек куда лучше

борется с подступающей болезнью. Что еще в пакете?

Недоеденный кусок колбасы. Дешевая. «Краковская». Половина кольца. Ее в сторону. А вот рыбешек из банки со шпротами я подъел тут же. Пальцем выскреб все до кусочка. Собрал каждую капельку пахучего масла. Сколько калорий я получил? Для легкого перекуса достаточно. Колбаса осталась на потом. Из съестного в пакете с мусором больше ничего. Там осталось три пустые водочные бутылки. Стоп. Одна пуста только на треть. Внутри грамм триста водочки плещется. Рука сама потянулась к пробке. Нет. Отдернул руку. Отставил бутылку к упаковке с соком. Да у меня похмелье. Да мне страшно. Но я не буду пить. Нужна трезвая голова. К тому же водка может пригодится на куда более важные дела – к примеру, для дезинфекции раны если я на самом деле пропорю себе босую ногу стеклом. С хлюпаньем допил остатки энергетика из трех баночек. Опустевшую тару убрал на край каменного стола. Ближе к ногам. Но выкидывать не стал. Остался большой мусорный пакет. Пустой и целый. Его пока что аккуратно сложил и убрал в карман джинсов.

Карманы…

Вывернув, устроил инвентаризацию. Но ничего не ожидая от ее результатов. Я не ношу в карманах ничего такого, что бы могло пригодиться в подобном месте.

Хотя…

Пять таблеток алька-зельтцера. В их составе аспирин. Уже какое-никакое лекарство.

Две таблетки «Антиполицая». Что в их составе не знаю. Но за лекарства их лучше не считать.

Несколько тысяч рублей купюрами. Полтысячи железом.

Сотовый телефон. Промокший и мертвый. Не знаю, сколько я провалялся в той луже, но телефону хватило.

Потянув за рычаг, вернул свет и тепло на следующие шесть минут. И вскрыл телефон. Продул. Вытер полой просохшей рубашки каждую часть. Разложил их

рядком между раздвинутыми упаковкой сока и бутылкой водки. Сверху сделал навес из частично развернутого мусорного пакета – чтобы не капало с потолка. Не верю, что телефон оживет. Но главное использовать шанс.

Початая упаковка конфет «Меллер». Промокли, конечно. Частично размякли и расплылись. И плевать – в них много энергии. К колбасе их.

Одна запонка. С моими инициалами. Л. К. Где вторая запонка не знаю.

Ключи от квартиры и машины. Там же от гаража. Пара брелоков.

Банковская карточка.

Пара листков с расплывшимися телефонными номерами. На одном листке отчетливый отпечаток губной помады.

Полностью размокший бумажный мусор.

На этом перечень моего имущества заканчивался. Обычный набор мужчины, вышедшего выпить несколько коктейлей в ближайший бар. За минусом мусора.

Оценив богатства, повздыхал и, собрав все кучкой рядом с просыхающим телефоном, снова обратил взгляд на квадратное темное пятно на стене. Смотрел я долго. Двенадцать минут – два раза опускал рычаг. Похмелье чуть стихло. Забурчавший желудок переваривал смесь кукурузных чипсов, шпротов, апельсинового сока и энергетика. Получившая первую порцию энергии голова заработала чуть лучше. И вскоре я пришел к единственно возможному выводу – придется лезть в воду, если хочу узнать, что это за пятно маячит на границе света и тьмы. И это тем более интересно по той причине, что я отчетливо вижу странноватое поведение пляшущих на воде кусков льда, отчетливо белеющих в красно-желтом сумраке. Лед подпрыгивает, подрагивает и упорно жмется к темному пятну. Понимающему человеку это говорит о многом.

Дождавшись, когда потухнет свет, дернул за рычаг. И медленно, но решительно сполз в воду. Не сдерживаясь, охнул от пронзающего холода и, стараясь не отрывать ноги от склизкого пола, пошел вперед. Как холодно… и ведь не привыкнешь. Только бы не пропороть ногу. Только бы не пропороть…

У меня в запасе чуть меньше шести минут. Если не уложусь – придется возвращаться обратно в темноте. И надеяться, что заминка не скажется на заработанном бонусе.

Я дважды чуть не упал. С трудом сохранив равновесие, добрался до цели. И обнаружил, что пятно – это квадратная дверь. Я бы сказал люк размерами полтора на полтора метра. И он не открывается, а сдвигается, судя по тому, как утоплен люк в стену. Движется по направляющим. В наличии большая дверная скоба. На двери отчетливо виднеются страннейшие изображения, имеются и надписи.

У меня в запасе минуты четыре. Ноги застывают. Я их уже не чувствую. Стою по щиколотку в ледяной воде. А мне еще возвращаться обратно. Потрачу минуту на осмотр. Но сначала подниму плавающие на поверхности воды предметы – три полуторалитровые пластиковые бутылки. Самые обычные полуторалитровые бутылки. Этикеток нет. Внутри пусто. Пробки туго закручены.

Что за надписи на двери?

Тут ждал очередной сюрприз.

Большая часть надписей были не то что на непонятном мне языке. Хуже того – я даже не мог приблизительно сказать, к какой стране мира могут относиться такие языки. Удивительнейшие и сложнейшие символы… некоторые надписи выполнены символами похожими на иероглифы. Вот тут вроде арабская вязь, но идет почему-то по наклонной от правого верхнего угла к левому нижнему.

А вот тут на русском языке. Слова вроде простые, но пугающие: «Упокой, Господь, души наши!»

А рядом тоже на русском: «Труды ваши не напрасны были!»

– Крематорий? – сорвалось у меня с губ.

И, очнувшись, я повернулся и рванул назад, с плеском шагая в воде окоченевшими ногами.

Едва успел. Только нащупал рычаг и свет погас. Мягко потянул. Дождался щелчка и появления света. Успокоено забрался на стол и взялся за отогревание ступней, тихо матерясь сквозь зубы. Матерился и говорил любую чушь – лишь бы не было вокруг тишины. Из головы не уходило видение квадратного люка и пугающих надписей. На самом деле люк крематория? Космический шлюз, служащий для отправки тел умерших? Что там за люком? Не знаю. Пока не знаю. Но скоро выясню. Только сначала сделаю обувь, подходящую для местных условий. Для этого я воспользовался подручными материалами.

Для начала, очень стараясь не порезаться, разорвал банку энергетика. Скрутил ее так, чтобы с одной стороны получилась импровизированная ручка, а с другой что-то вроде лезвия ножа – безбожно гнущегося и тупого. Но вполне способного разрезать пластиковые бутылки на тонкие ленты. Главное не спешить и действовать предельно аккуратно. В лентах сделал дырочки на краях. В них пропущу ленты еще тоньше и завяжу. На ленты ушла одна найденная и бутылки из мешка с мусором. Оставшиеся две бутылки открыл, понюхал. В одной раньше было пиво, в другой – неизвестный мне, но явно фруктовый напиток. Бутылки чуть сжал, чуть смял, выпуская лишний воздух. Туго закрутил пробки. Надел носки на ноги. Приставил подошву левой ноги к одной из бутылок и при помощи пластиковой ленты примотал ступню к этой импровизированной «дутой» подошве. Держалось не очень. Но если не спешить – то лучше, чем ничего. Также «снарядил» вторую ногу. На все про все ушло восемнадцать минут. Осторожно спустился в воду. Дождался, когда погаснет свет, дернул за рычаг, после чего, ступая осторожно, зашагал к квадратному люку. И впервые во время ноги не касались ледяной воды. А стало быть, и не мерзли.

На этот раз я потратил время на осмотр не люка, а прилегающей к нему «местности» – стен и пола.

Первое открытие сделал сразу же – в темноте за люком имелась еще одна уже знакомая ниша. И в ней находился рычаг. Еще один рычаг. Дергать его я пока не стал. Кто знает, что он активирует? Сначала осмотрюсь.

Кирпичные стены ничем не удивили. Надписи пока читать не стал. Глянул ниже. И, вздрогнув, резко отступил назад. Потерял равновесие, замахал руками, силясь не упасть в воду. С трудом удержался на ногах и замер, хрипло дыша и смотря на поразившее меня ужасное зрелище, – приткнувшись к низу люка, в воде лежал труп.

Лежал на боку, лицом ко мне. Разинутый рот полон набившегося льда. Спутанные застывшие волосы скрывают лоб и глаза. Лицо раздуто. Скрюченные руки в воде. Ноги вытянуты и перекрещены. Ни малейшего намека на запах – при такой-то холодрыге это и понятно. Плюс льда набилось.

Чтоб меня…

Я невольно перекрестился – набожностью не отличался, просто машинальное движение немного испуганного человека. Всегда считал, что если Бог и есть, то его единственный дар – дар сотворения жизни – нам уже был сделан давным-давно и все остальное зависит исключительно от нас самих. Поэтому крестись не крестись… Хотя сегодняшние события, мое страннейшее попадание сюда, невольно добавили мне веры в мистическое.

Я стоял неподвижно не меньше двух минут. И дольше бы простоял – но вспомнил о рычаге. И рванул обратно, скребя бутылками-«ботами» по невероятно скользкому полу. Дернул за рычаг. Вернулся, держась рукой за стену. Вернулся со вполне созревшим решением отодвинуть труп от люка.

Причина?

Я услышал тихое хлюпанье. Такой звук издает всасывающаяся в сливное отверстие вода. Но хлюпанье сдавленное. Будто воде что-то мешает. Или кто-то – например навалившийся на сливное отверстие труп.

Главное сейчас не мешкать. Я мужик решительный. Но двигать раздутые трупы… обычным людям не каждый день приходится таким заниматься.

Схватился за штанину, уперся свободной рукой в люк и подался назад. Труп дернулся. Меня пробрала невольная дрожь. Еще раз! Рывок! Я едва не упал. Мертвое тело поддалось и сантиметров на двадцать отодвинулось от люка. Едва слышное хлюпанье мгновенно стало гораздо громче. Заглянув в щель между трупом и люком, увидел ожидаемое – в полу имелась решетка, которую до этого бедром придавливал мертвец. К решетке пристал мусор. Придется еще немного отодвинуть труп и убрать с решетки налипшую дрянь. Теперь понятно, почему в коридоре скопилось столько воды – ей попросту некуда было деваться. Вот и рос медленно уровень воды. Правда, неясно откуда вода сюда попадает, но этим вопросом займусь позже…

Выполнив задуманное, бросил пристальный взгляд на второй рычаг и поспешил обратно к столу, с удовлетворением слыша шум всасывающейся воды. Дело сделано. Возможно, больше не придется рисковать вывихом стопы, разгуливая с примотанными к ногам пластиковыми бутылками.

Проведя ладонью по лишившейся инея и начавшей просыхать стене, я удовлетворенно улыбнулся. И удивленно хмыкнул – мне нравилось это странное достижение. Мне нравились мои победы – мелкие и смешные победы в непонятном и жутком темном коридоре с рычагами. Пора уже волком бешеным выть и скрежеща зубами на стены кидаться, а я преспокойно двигаюсь от одной поставленной цели к другой. И при этом ощущаю себя невероятно воодушевленным, заинтересованным поставленной задачей, жаждущим ее скорейшего и эффективнейшего выполнения. Все как в старые деньки, когда я каждый час ощущал вкус жизни.

А тут еще столько тайн. Столько ужасов…

Там в темноте за вторым рычагом мне почудилась еще одна стена. Если так, то мои худшие подозрение оправдаются – я не в коридоре, а в некоем помещении. И тогда останется выяснить только одно – заперт я здесь как узник или нет. И снова непонятная, неизвестно откуда пришедшая твердая уверенность – я заперт.

Откуда пришла уверенность?

Неизвестно. Но я уверен. Будто-то кто-то нашептал.

В этот раз я позволил себе посидеть на каменном столе подольше. Полчаса. Из-за банальной слабости – накатила внезапно. Похмелье и стресс слились воедино и победили адреналиновую вспышку моей активности. Я выпил еще немного апельсинового сока. Слишком сладко. Энергия лишней не бывает, но питьевая вода мне требуется срочно. Надо выводить из организма весь токсический мусор. А насчет туалета что? Не на пол же нужду справлять. Впрочем, есть у меня уже догадки на счет отхожего места, хотя это несколько не вяжется с прежними моими открытиями.

Когда я в очередной раз потянул за рычаг, то уже знал – возможно, прямо сейчас мне дадут очередной бонус к свету и теплу. И к лимиту времени. Шесть минут все же маловато.

Надежды оправдались. После очередного щелчка пришедший свет был еще ярче. А вот поток тепла не стал сильнее. Но количество получаемого из неведомых источников тепла меня устраивало и в текущем количестве. Тут главное избавиться от воды и льда. Дать коридору – или помещению? – просохнуть. И сразу станет теплее. Поэтому я ждал главного – сколько минут мне подарят на этот раз.

И снова предсказуемо – свет погас через двенадцать минут, если верить моему внутреннему отсчету. Это опять же не решало моих проблем со сном и отдыхом.

Я дернул за рычаг. Глянув вниз, улыбнулся. Разлившаяся по полу вода исчезла. Кое-где остались крохотные лужицы и мелкие ручейки, текущие по направлению к стоку. Пол покрыт черной грязью, скользкая склизкая пленка. Вскоре станет легче, пока же придется постараться не поскользнуться. Проверив обувь, я счел ее более-менее просохшей. Обувшись, спустился с возвышения и неспешным шагом направился к люку – теперь он был освещен куда лучше. Это же касалось и трупа – при усилившемся освещении он предстал во всем своем ужасе. Если я ничего не сделаю с подмерзшим мертвым телом, очень скоро оно начнет жутко смердеть. Нет хуже соседа по тюремной камере, чем покойник – и не поговорить, и воняет жутко.

Испустив глубокий выдох, я опустился на корточки рядом с трупом и заставил себя внимательно его осмотреть.

Мужчина. Бородатый. В возрасте – если судить по обильной седине в спутанных бороде и волосах. Среднего роста. Худощавый. Нет большей части зубов. На нем пропитавшийся грязью шерстяной свитер и джинсы. Толстые шерстяные носки. На одежде следы починки. На ногах самодельная обувь из пластиковых бутылок. Никаких видимых следов насильственной смерти. Но лицо застыло в муке и страхе – эти последние эмоции не стерли ни смерть, ни разложение. Я попытался определить национальность покойника, но не преуспел. Вроде европеец.

Карманы джинсов…

Ох…

Мне придется это сделать и тщательно проверить их. Вздохнув еще раз, я потянулся к заднему карману – там что-то определенно было. Довольно крупный предмет.

Им оказалась жестяная коробочка известнейших леденцов Fisherman’s Friend. Оригинальные экстра-сильные. «Друг рыбака». Покойник был рыбаком? Сомнительный вывод – все любят мятные леденцы. Пока не стану гадать о его личности.

Жестянка закрыта тщательнейшим образом. Прямо тщательнейшим. То есть не просто закрыта. Стык крышки с коробочкой покрыт тонким слоем сначала расплавленного, а затем застывшего вещества. Непохоже на воск. Может смола? Цвет коричнево-желтый. Все же пчелиный воск? Какая-то смесь? Где было взято вещество? И как он сумел его расплавить? Я пока не обнаружил в этом чертовом месте ни одной спички.

Убрал жестянку в карман. Продолжил осмотр. Больше не нашел ничего. Но понял, что одежда покойника не просто подвергалась починке, а скорее чинена-перечинена. На ней живого места нет. Заплаты наляпаны одна поверх другой. Все сделано аккуратно. Неспешно. Тщательно. Он заботился о своей одежде.

Я посмотрел на его руки. Да. Он заботился и о теле. Ногти аккуратно подстрижены. А борода – это еще не признак неряшливости. Как и длинные волосы на голове.

Поднявшись, я поспешил обратно. Дернул за рычаг. Шлепая по становящемуся все суше полу, вернулся к покойнику и люку. Дышать стало чуть тяжелее – теплота плюс обилие влажности вскоре устроят мне тут настоящие тропики. Надо убрать просыхающий телефон в пакет. И защитить от влаги остальные могущие пострадать вещи. Вернулся. Прикрыл пакетом пожитки.

Опять двинулся к люку. Я просто избегаю этой квадратной двери. Вот почему подсознательно выискиваю повод оттянуть миг, когда придется открыть железную дверь и увидеть, что скрыто за ней.

А раз так – пора принять волевое решение.

Забранное решеткой сливное отверстие с хлюпаньем втягивало воду. Нагнувшись, отбросил скопившиеся куски льда. Поднял с пола обрывок тонкой темной цепочки – вроде браслет. Возможно, из серебра. Цепочка порвана. Просматривается узор. Убрал в карман. И повернулся к люку. Взялся за скобу. И мягко потянул.

Люк поддался легко. И почти бесшумно, с едва различимым тяжелым рокотом, откатился в сторону.

Я глянул и остолбенел. Сдавленно кашлянул.

Внутри было светло – сверху лилось желто-красное свечение. Его вполне хватало для освещения небольшого закутка размером со стандартную ванную комнату. Комнатушка где-то два на три метра. Может чуть-чуть больше. Стены кирпичные. В потолке знакомая огненная щель тусклого светильника. Пол… вот пол необычен – мелкая железная решетка. В ячею с трудом пройдет мужской большой палец. В центре же квадрат решетки с куда более крупной ячеей – в такую и руку по плечо просунешь. С потолка свисает не слишком толстая металлическая цепь, достигающая решетки, разлегшись на ней парой петель, почти полностью прикрывших собой прикованный к цепи тесак. Огромный мясницкий тесак – широкое плоское лезвие, закругленный конец, тонкая рукоять приделанная к цепи. К цепи прикреплено обилие каких-то висюлек, сейчас просто висящих, но наверняка звенящих и мотающихся в то время, когда кто-то машет тесаком. Среди обилия утяжеляющего цепь хлама я отчетливо увидел несколько христианских крестиков – самых знакомых мне религиозных символов.

Главное же «украшение» комнаты, чье назначение я уже, как мне думается, понял, состояло из длинного двойного ряда черепов, прикрепленных к задней стене затылками и смотрящих на меня черными пустыми глазницами. Всего шестнадцать человеческих черепов. И у каждого на лбу намалеван символ. Вернее, цифра. У каждого своя. Я различил тройку, четверку, десятку. Остальные символы также наверняка являлись цифрами, но подобной письменности я не знал. Вот на лбу седьмого по счету черепа изображен треугольник с точкой внутри. Если это цифра семь – то на каком языке? Я знаю арабские цифры. Римские. А это какие?

Отступив, закрыл люк и пробежался глазами по покрывающим его надписям и рисункам. Бросил короткий взгляд на покойника. Передернул плечами. И шагнул ко второму рычагу. Взялся за него. Потянул. Тот и не шелохнулся. Заблокирован намертво. Проверил, но не обнаружил никаких механических помех вроде вставленного клина. Потянул еще несколько раз, но не преуспел. Либо загадочный механизм за стеной сломан, либо просто еще рано.

Я прошел еще три шага и остановился. По телу потянуло холодом. Здесь коридор не кончался, но дальше не пройти – все пространство затянуто льдом. Длинный бугристый ледяной язык в полушаге от моих ног. Дальше он вздымается и переходит в ледяную стену. Если и пытаться пробить путь, то только киркой. Подавшись вперед, провел рукой по льду. Ладонь стала мокрой. Глянув вверх, увидел в потолке у самой ледяной стены изгибающуюся и словно бы сплющенную трубу, непрерывно исторгающую поток тепла. Этакий сплющенный рупор, направленный вдоль коридора.

Здесь тупик.

Повернувшись, миновал люк и покойника, вернулся к базе. Свет погас. Дернув за рычаг, двинулся дальше. В ту сторону я раньше не ходил. Через три шага наткнулся на мокрую кучу мусора лежащую у стены. Не останавливаясь, миновал ее. Обошел откинутый от стены лежак – узкий, металлический. На нем какие-то тряпки. Дальше. Идти дальше.

Еще пара шагов. И новый рычаг. Третий по счету. Даже не раздумывая, я взялся за него и потянул. Не шелохнулся. Хорошо. Идем дальше.

Еще два шага. И я уткнулся в очередную стену. На этот раз кирпичную. Сплошную. Мокрую и холодную. Над головой мягко гудела вторая труба, посылающая поток благословенного тепла.

И здесь тупик. Ни малейшего намека на выход. Я убедился в этом после короткого, но тщательного осмотра, уложившись в несколько минут.

Вот и получен важный ответ – я здесь заперт. Выхода отсюда нет. Навалилось ли отчаяние? Оценив свое состояние, убедился, что нет и малейшего признака на отчаяние. Даже похмелье пропало.

Что в этом конце коридора?

Две примечательные штуки – в задней тупиковой стене имеется небольшая железная дверка. Только голова в нее пролезет – если повернуть ее набок, но уши наверняка защемит. На дверке и стене множество символов и надписей. Стоило наткнуться на пару знакомых букв, и я нашел нужную информацию.

«Святая кормильня».

«Еду дарующая труженикам истовым!»

«Кто работает – тот ест! Работает, когда келья в движении!»

Все ясно. Так я все же в странной тюрьме? В одиночной камере. А дверка в стене… Отсюда узники получают пищу.

Кто работает – тот ест? Всегда был согласен с этим утверждением. Но что подразумевается под работой тут? На ум приходят только рычаги – больше в этом месте заняться мне нечем. Не пол же подметать.

Келья в движении? Я не обладаю огромным словарным запасом. Но значение слова «келья» знаю. Это же что-то вроде той же тюремной камеры. Комнатушка жилая. В таких монахи обитали в монастырях. Затворники жили. Как комната может двигаться?

Важнейшее открытие сделано. Если система работает, если существуют загадочные тюремщики, то у меня появился шанс не умереть с голода.

И уж точно не умру от жажды – это второе важнейшее открытие. Из стены торчала тонкая трубка – мизинец влезет. Торчала на высоте двух метров. Из нее лился тонкий ручеек чистой воды. Подступив ближе, вымыл тщательно руки, отметив, что вода не ледяная. Нормальная. Под такой вполне можно вымыться. Пока ограничился мытьем головы и умыванием. Отфыркиваясь, подставил ладони и, набрав воды, сделал глоток. Вкусная. Вкусная чистая вода, если верить ощущением. Но торопиться не буду. Сделал пару глотков и этим ограничился. Посмотрим, как через часок организм отреагирует на выпитую водичку.

Пошел обратно. Попытался дернуть за третий рычаг. Тот опять не поддался. Остановился у лежака. Над ним выступ в стене, сделанный неведомыми строителями явно специально и образующий узкую полку длиной в метр. На полке несколько предметов.

Жестяная большая банка.

Стеклянная банка.

Две бутылки темного стекла.

Все емкости закрыты.

Я забрал все. Подхватил с лежака тяжелую и мокрую насквозь тряпку. Это что-то вроде лоскутного одеяла. Но ткань наверняка безнадежно испорчена водой и гниением. Проверим. Под одеялом еще пара тряпок потоньше. Аскетичная постель. Прихватив тряпки, вернулся к базе. Дернул за рычаг, возвращая свет. Прошелся до второго рычага. Попытался дернуть его. Тот не поддался. Вернулся к столу.

Взялся за тряпки. Как можно тщательней отжал каждую. С радостью отметил, что ткань не расползается в руках. Но оставляет черные следы на руках. Ладно. Делать так делать. Сняв рубашку, взял тряпки и прогулялся до «кормильни». Бросив тряпье под струйку воды, хорошенько потоптался на нем. Отжал. Намочил. Потоптался. Отжал. Намочил. Потоптался. Вода пошла прозрачная. Еще раз отжал.

Подойдя к лежаку, ладонью очистил его от пятен грязи. Набросил на него выстиранные тряпки. Расстелил их, чтобы высохли как можно быстрее. Повесить некуда. Или я пока не нашел здесь крючков и веревок. Умывшись и вымыв руки еще раз, потопал к базе. Пора немного передохнуть и подумать. Заодно изучить найденные предметы. И осмыслить происходящее.

Банки и бутылки с лежака. В них обнаружилось продовольствие и питье. Жестяная банка битком набита сухарями. Стеклянная банка наполнена ими же на две трети. Темный ноздреватый хлеб. Еда. Глядя внутрь открытых банок, я испытывал большое облегчение. У меня есть еда. Углеводы, дающие энергию. Кто знает, заработает ли когда-нибудь та «кормильня». А благодаря сухарям и

воде я могу продлить жизнь на немалое количество дней. Вот еще вопрос – как вообще отслеживать течение времени в камере, где нет окон и дверей?

В бутылках разное содержимое. В одной вода. А в другой вино. Красное сладкое вино с удивительно приятным запахом. Я бы сказал с дорогим запахом. Ни на одной из бутылок нет этикетки.

Жестяная банка с сухарями украшена заводским изображением рыбы. Сельдь. Банка вмещает три килограмма. Я бы не отказался от такого количества засоленной рыбы. Витамины и прочее. И вкусно.

Как банки попадают сюда?

Ответ очевиден – так же, как я сам попал сюда в обнимку с мешком мусора. Даже обидно. Кто-то держал банку с сельдью, когда угодил сюда. А я мусор обнимал. Знай заранее и понимай неизбежность – потратил бы кучу денег, взвалил бы на спину тяжеленный рюкзак с теплой одеждой, медикаментами и едой, да еще бы в каждую руку по чемодану с инструментами, книгами и опять же с едой. И не забыл бы про сухой спирт и запас кофе и заварки. Но я, скучающий преуспевший мужик средних лет, всегда предпочитающий быть готовым к любым неожиданностям, попал сюда с мешком мусора…

Судя по найденным предметам, до меня здесь побывало немало людей.

Куда они делись?

А что тут думать? Вон оттаивающий труп лежит.

Вот туда и делись – умерли труженики истовые, как сам себя описал в надписи один из заключенных.

Ну, может быть, как кричала внутри меня трусливая надежда, есть шанс, что за «труд истовый» могут даровать свободу. Ну да… будем надеяться, но не будем рассчитывать на такой исход событий. Черепа в той «клетке» за люком указывают на пожизненное заключение.

Куда делись трупы?

Так туда же и делись – в сортире их расчленили и утопили.

Вот так.

В этом я уверен абсолютно.

Все говорит об этом.

Та комната, судя по надписям и символам, является отхожим местом. Нужду там узники справляют.

Но иногда, когда старый узник умирает и на его место является новый, ему предстоит затащить труп предшественника в клетку, взяться за прикованный к цепи мясницкий тесак и хорошенько им поработать. Нарубить мертвеца на куски, что смогут пролезть в ячею решетки. Голова не пролезет точно. Ее либо рубить… либо ждать, пока разложение возьмет свое, после чего очистившийся череп закреплять на «стене почета».

Вот так…

Да…

Вот так…

Если не хочу сдохнуть от вони разложения, если не хочу и дальше просыпаться в компании с трупом, мне придется пройти через это. Вдохнув запах сухарей, я плотно закрыл банки и отодвинул их подальше. Сейчас лучше ничего не есть – боюсь, в самом скором времени все выйдет наружу фонтаном рвоты. А вот пара глотков водки мне точно не помешает.

Я мужик крепкий. Решительный. Всегда этим гордился и пестовал эти качества в себе. Но трупы расчленять мне пока еще не приходилось. И на медика я не учился. И покойников редко видел. Так что мне придется нелегко.

Но я это сделаю.

Глотнув водки, утер губы. Разделся. Снял даже носки и трусы. Остался только в обуви. Постоял. Дернул за рычаг. Сделал глоток водки. И зашагал к трупу.

Я это сделаю.

И сделаю сейчас – пока он не начал вонять и брызгать оттаявшей кровью. Хорошо, что я нашел место, где смогу принять душ и отмыться…

Я сделаю это…

Глава вторая

Сказано – сделано.

Всегда гордился собой, когда мог в буквальном смысле повторить этот замечательный девиз.

Даже если дело касается расчленения трупов.

Дыша сквозь обрывок затхлой ткани, закрывавшей нижнюю часть лица, я стоял на краю решетчатого крупноячеистого квадрата и смотрел на темные пятна на прутьях. Последний кусок мертвой плоти проскользнул сквозь решетку пару секунд назад и канул в темноту.

Дело сделано.

Но что теперь сделать с головой?

Я скосил глаза и глянул на эту проблему. Та глянула на меня, издевательски щеря рот забитый еще не растаявшим льдом.

Нет, я понимаю и уважаю еще один девиз, гласящий: «Смену сдал – смену принял». И смену я принял по идее со всеми традициями. И одна из здешних традиций – крепить черепа бывших узников на стену туалета. Если ли здесь хоть

капля уважения к мертвым? Мало того что их по частям спустили в унитаз, так еще и головы на стену повесили, заставляя смотреть, как сменивший их на загадочном посту узник справляет нужду малую и большую. Будешь тут горбиться и охать во время испражнения, лопатками ощущая множество брезгливых взглядов, уставленных тебе в спину. Не знаю про загробную жизнь. Но не хотел бы провести вечность, глядя, как кто-то мучается кровавой диареей или запором.

Разрубить «свежую» голову, пропихнуть ее в решетку. Сорвать со стен черепа, раздробить, крошево – в решетку. Разве это не будет правильным поступком?

Не знаю.

Смотря с какой стороны посмотреть. Если предположить, что здешние узники проживали в среднем по десять лет… традиции вешать черепа на стены никак не меньше столетия.

Но я практик. Не вижу ценности в таких украшениях.

А еще я реалист и понимаю – гниение плоти процесс небыстрый и очень запашистый. И если я оставлю отрубленную голову гнить, то окончательно отравлю свое и без того не слишком радостное здесь существование. Самому вооружаться тесаком и начинать соскабливать с кости плоть и волосы, выковыривать глаза, срезать лицо, а затем вытряхивать мозги? Нет уж, спасибо. Это не то вечернее занятие, коим я бы хотел заняться, сидя в туалете.

Спохватившись, выбежал из клетки. Рванул к рычагу. Успел как раз вовремя. Когда вернулся, в голове уже созрело решение. Я взялся за тесак. Коротко поклонился глядящей на меня голове.

– Извини, незнакомец. Я нарушу традицию.

Не давая себе времени передумать, взмахнул тесаком. Оружие тяжелое. Брезгливость уже притуплена. Во мне одно только желание – как можно быстрее закончить начатое дело.

Я уложился в полчаса. Пришлось бегать к рычагу еще два раза. И клетка, как я решил ее официально называть, преобразилась. Не осталось черепов, не осталось отрубленной головы – все ушло в решетку. Вооружившись обрывком тряпки и парой бутылок воды, тщательно вымыл решетку. Удалил каждое пятнышко. Жаль нет хлорки – а то навел бы здесь стерильную чистоту. Закончив уборку, встал на решетку, присел и справил нужду, избавляясь от накопившихся токсинов. А заодно преодолевая вполне понятное нежелание испражняться туда, куда только что отправил бренные останки немалого количества людей. У меня нет выбора. Опять прошелся по решетке водой и тряпкой.

Когда вернулся к рычагу и опустил его, свет стал ярче. Нет. Скорее, желтее. Свет стал мирным, исчезла окончательно багровая составляющая.

Итак?

Двадцать четыре минуты?

Это уже что-то. Это уже действительно что-то. Учитывая накопившуюся усталость, мне срочно требуется отдых. Пусть и с интервалами. Зная свою выносливость, могу быть уверен, что для частичного восстановления и возвращения голове свежести мне хватит часа сна – пусть и с перерывами. Тут главное проснуться вовремя. Я жутко не хочу возвращаться к лимиту в жалкие три минуты.

Наведавшись к трубке с водой, принял душ. Тщательно отскребся, отодрал грязь. Постоял под теплым потоком воздуха, высушивая кожу. Оделся. Взял с лежака почти просохшее одеяло. Принюхался. Затхлость никуда не делась. Подгнила все же ткань. Но она сухая и удерживает тепло.

Вскоре стало ясно, что я не ошибся с прогнозами – свет и тепло непрерывно оставались со мной целых двадцать четыре минуты. Отлично. Отлично. Можно рискнуть и позволить себе крохотный отдых.

Место для сна я устроил рядом с первым рычагом. Сложил на полу тряпки, уселся на них, укутавшись предварительно одеялом. Вытянул обутые ноги. Меня вырубало. Все плыло перед глазами. Но сначала проверю одну слабенькую надежду…

Собрав телефон, вжал кнопку включения. Выждал. Экран не зажегся. Вздохнув, разобрал устройство, убрал части под одеяло. И, глядя на нависающий над головой рычаг, медленно опустил веки. Двадцать минут. Двадцать минут…

Меня ласково покачивает на теплых волнах. Тело расслабляется. Легкая дремота быстро переходит в глубокий сон. Я понимаю это на глубинном внутреннем уровне – засыпаю по-настоящему. Встать! Рывком пробуждаюсь, вздрагиваю, фыркаю, мотаю голову. Свет горит. Это самое главное. Широко открыв глаза, жду. Жду… жду… проспал примерно минут двадцать. Где-то так плюс-минус несколько минут…

Свет гаснет. Тяну за рычаг. Опускаюсь. Закрываю глаза, свет пробивается сквозь веки. Дремлю…

Я не допущу провала. Не допущу ошибки.

Перед тем как лечь спать, заметил раньше не увиденное – еще несколько надписей, расположенных прямо над рычагом. Они были скрыты буро-черной пленкой. Начав подсыхать, она частично осыпалась, и появились буквы. Отодрав пленку, я нашел несколько понятных надписей.

«Промедление с рычагом недопустимо!»

«Нет света – нет пищи!»

«Два по десять биений сердца у тебя!»

«Проспавший вернется в начало пути!»

«Лишь обнаженными руками! Только голыми ладонями!»

Последняя надпись настораживает и заставляет задуматься. Но голова не соображает. Все плывет.

Сердце стучит быстро. Думаю, после того как свет погаснет, у меня будет не больше десяти секунд, чтобы снова дернуть рычаг. Промедлю – вернусь к самому-самому началу.

Дремлю…

Дремлю…

Проваливаюсь…

Встать!

Дремлю…

Встать!

Вздрагиваю. Фыркаю. Мотаю головой. С ужасом понимаю, что я даже не дернулся – продолжаю спать! И просто вижу сон!

Встать!

Получилось…

По щекам себе, по щекам. Свет еще горит… свет еще горит…

Гаснет.

Дергаю рычаг.

Закрываю глаза.

Еще парочка таких «пересыпов» и смогу продержаться несколько часов без сна. А в целом мне надо продержаться чуть больше пяти часов. После этого интервал должен увеличиться с двадцати четырех до сорока четырех минут. А это уже счастье. Вот только будильник… как же мне нужен надежный громкий будильник!

Надежда была на телефон. Но пока он не включился. Возможно, еще включится, но надеяться на это глупо. Хочешь или нет, но мне придется придумать

надежную побудочную систему из подручных материалов. Для любой подобной системы нужна какая-то энергия. Не электричество, разумеется. Я даже сомневаюсь, что в горящем сейчас надо мной освещении используется электричество. Нигде не видел подобных ламп.

Из постоянно присутствующей у меня энергии в наличии только поступающая с неизменно постоянной скоростью вода из тонкой трубки, вмурованной в стену рядом с все еще неработающей «кормильней». Я попытаюсь придумать что-нибудь с этим источником энергии…

Придумать систему автоматического опускания рычага? В принципе все на поверхности – у меня есть гиря и веревка. После срабатывания рычаг поднимается и клинится в верхней позиции. Привязать веревку и пудовую гирю… Надо попробовать.

Но не сейчас. Нет. Сейчас мне надо попробовать заснуть.

А пока дремать…

Дремать…

Встать!

Свет еще горит. В голове немного прояснилось. Во рту пересохло. Делаю пару глотков воды. Свет гаснет. Рычаг! Облегченно закрываю глаза. Пульсирующее в висках напряжение исчезло. Свет режет глаза сквозь закрытые веки. Могу прикрыть лицо краем одеяла, но горящий свет – это моя лакмусовая бумажка, потемнение означает беду. Означает – проворонил…

Предположим, телефон заработает. Но насколько хватит заряда батареи? Если выставить будильник на регулярную побудку и больше телефон не трогать, он проработает максимум сутки. Это если пребывание в воде не истощило заряд батареи. И если не было замыкания. Пока не проверю – не узнаю.

А пока дремать…

Дремать…

Яркая картинка, вспыхнувшая в мозгу, напомнила, как я заработал свой первый миллион. Незабываемый день. Все сам. Все своими руками. Все своей головой. Аккуратные пачки денег, ровным рядком лежащие на столе… купюры не слишком крупные, не слишком мелкие. Мои первые серьезные деньги. Ностальгическая картинка…

Не картинка… сон!

Я сплю!

Встать!

Встать!

С хрипом подрываюсь. Свет гаснет. Дергаюсь вверх.

Рычаг! Слышен успокоительный щелчок.

С оханьем поднялся. Хватит с меня снов. Не могу сказать, что выспался. Но только что я едва не облажался, пуская слюни на давным-давно заработанные и давным-давно потраченные приснившиеся деньги. Ради сладкого видения прошлого едва не подпортил свое будущее. Так дело не пойдет.

Выпрямиться, чемпион! Спину ровно! Щеки растереть! Воду допить! Марш умываться! Тебя ждет множество увлекательных дел!

Подобрал тряпье, аккуратно сложил стопкой на лежаке, предварительно убедившись, что он сухой. Очень тяжело понимать ценность имеющихся вещей, если у тебя их слишком много. Вот у меня сейчас почти ничего нет. И к своему имуществу я отношусь предельно бережливо. Разобранный телефон спрятал под одеяло.

Умылся. Выпил еще воды и набрал в бутылку свежей. А теперь вперед – надо попытаться узнать чуть больше об этом месте.

Начать я решил с коробочки оригинальных экстра-сильных леденцов «Друг рыбака», принадлежавшей покойнику. Соскреб слой вещества прикрывающий

стык. Поддел крышку и аккуратно ее открыл, отклонив голову назад и вытянув руки на максимальную длину. Вряд ли там опасный посмертный сюрприз. Но вдруг? Трудно не озвереть, оставшись навсегда в одиночной камере. Времени много. Злоба копится. Выхода ей нет. Вот и начинает играть злая фантазия – а давай сделаем опасную коробочку, чтобы испортить жизнь следующего сменщика.

Со звяканьем крышка откинулась и повисла на петлях. Ничего плохого не случилось. Чуть помедлив, наклонил коробочку и взглянул на ее содержимое.

Несколько бумажек. Перехваченная ниткой прядь русых волос. Больше ничего.

Дальнейший осмотр показал, что одна из бумажек является фотопортретом довольно симпатичной женщины средних лет. Фотография черно-белая, пожелтевшая и потемневшая, с одного уголка подмокшая, фотобумага удивительно толстая, по краю рубчик, как у почтовых марок. Удивительно… разве в наш современный век печатают подобные фото? А в наше время вообще кто-нибудь делает бумажные фотографии? Мы живем в цифровую эпоху.

Лицо у женщины немного странное. Слишком уж толстая переносица. Трудно сказать наверняка, но прядь русых волос вполне могла принадлежать ей.

Покопавшись в памяти, вспомнил, что у обнаруженного и расчлененного мною мертвеца переносица была еще толще. Но тогда я это отнес на посмертные изменения. Я не помню подобных лиц ни у одного народа мира. Высокие скулы, миндалевидные глаза, столь толстая переносица… Редчайший признак обитателей какой-нибудь захолустной европейской рыбацкой деревушки, затерянной на побережье? Возможно. Гадать не хочу.

Еще пара бумажек.

Одна чистая. Это вырванный из блокнота лист без единой отметины карандаша.

Последняя бумага – это карта. Толстые неряшливые штрихи изображали уже знакомый мне коридор. Вернее тюремную камеру. Мою тюремную камеру. Вот отмечено каменное возвышение. Вот тут три рычага. Здесь кормильня и вода. Отхожее место. А дальше… странно!

Там, где у меня на полу лежит толстенный бугристый язык льда, переходящий в стену, на карте показано пустое пространство. А за ними едва-едва отмечено что-то вроде двух поворотов – очень похоже, что там два отходящих в стороны коридора.

Вот сейчас не понял…

Я в камере тюремной или все же в коридоре?

Ударив кулаком по столу, спрятал бумаги и фото в жестянку. Закрыл ее. Убрал под одеяло на лежаке. Дернул за рычаг и отправился в короткое путешествие. Пол подсох, воздух перестал быть столь влажным. На стенах медленно высыхала черная мерзкая пленка грязи. Мне нужно что-то вроде шпателя, чтобы счистить ее и посмотреть, нет ли каких подсказок. Это место богато своей странной, пугающей историей. Тут вон целые хроники настенные. Надо только прочитать.

Люди со странно утолщенными переносицами. Древнего исполнения фото. Совершенно не понятные надписи на загадочных языках. Тут есть над чем поломать голову…

Ледяная стена.

Стена льда.

Как не назови – препятствие серьезное.

Ледяная затычка, наглухо перекрывшая мне путь.

Глядя на преграду, я прикидывал свои действия. Лед таял. С тех пор как я постоянно дергал за рычаг, температура в моей «келье» больше не опускалась. Лед растает. Рано или поздно он растает. Вот и отлично. Получается мне нужно просто подождать. Окружающая среда на моей стороне.

Но…

Лед тает медленно.

За прошедшее время ледяной язык истончал. И чуть отодвинулся назад, оставив мокрые пятна. Вдоль стены идет тонкий желобок – и он наполовину полон талой воды, бегущей к стоку около люка. В одном месте небольшой затор. Нагнувшись, убрал мусор, брезгливо вытер руку – мусором оказался клок длинных волос. Человеческих, разумеется. Вообще, глядя на окружающий меня бардак, – который не мог быть вызван одной лишь только смертью моего предшественника – можно твердо заявить, что за чистотой он следил не слишком хорошо. Обрадованная исчезновением преграды вода с журчанием побежала дальше. Я же глянул еще разок на ледяную стену и пошел к туалету. По пути собрал всякую грязь. Скинул находки в решетку. Справил малую нужду. Покосился на тесак. Он бы неплохо подошел для рубки льда. Но его от цепи не оторвать так просто – уверен, что пытались и до меня.

Еще у меня есть пудовая гирей. Я смогу нанести ей пару десятков выверенных ударов по ледяному языку. И сделаю это. Но только не сейчас и по очень простой причине – подобный труд требует большого количества сил. Чем активней человек – тем больше сил он расходует. Потраченные силы требуют восполнения – еды. И вот с едой у меня большущая проблема…

Медленно и тщательно пережевывая откушенный кусок краковской колбасы, я задумчиво смотрел на выуженный из банки сухарь. В хлебе имелись мелкие вкрапления какой-то травы. Зеленоватые пятнышки щедро разбросаны по тесту. Какие-то специи? Наверное. В любом случае от сухаря не откажусь. С хрустом откусив, жеванул пару раз. Вкусно… правда вкусно. Многовато соли на мой взгляд. Но вкусно. А трава добавляет пряности. Сам не заметил, как сжевал весь сухарь, а рука уже потянулась за следующим. Пришлось себя одернуть. Съеденного мне хватит на несколько часов.

До следующего часа икс осталось совсем немного. Не стану тратить время на ожидание. Если смотреть на закипающий чайник, то он никогда не закипит. Еще одно верное выражение. Займись делом – и время пролетит незаметно.

Дернув за рычаг, открыл жестяную коробочку и вгляделся в карту. Вот тут крохотная отметка на одной из стен. Просто помарка? Или что-то важное? Отметка около лежака. Проверить несложно.

Проверил…

И наткнулся на настоящий тайник, скрытый за кирпичом. Стыки замазаны какой-то сложной смесью, пахнущей хлебом, пылью и смолой. Внешне ничем не отличается от остальных кирпичей. Когда лежак в поднятом состоянии, тайник вообще скрыт от взгляда. Нашел тайник банальным методом тыка. Когда один из швов поддался, все стало ясно. Через минуту кирпич я извлек. Перед тем как запустить руку внутрь, осторожно заглянул. И увидел мешковину, перехваченную веревкой, скрученной из тряпки. Вытащив сверток, моргнул – мне в лицо ударил луч багрового света, исходящий из дыры в стене. Глянул внутрь еще раз и поражено застыл – за кирпичной стеной виднелась толстая железная решетка, а за решеткой едва-едва заметно крутились две огромные шестерни. Да. Шестерни. Две огромные шестерни. Тихий металлический рокот сопровождал величественное кручение. Что за непонятный механизм? И получается, я нахожусь внутри него?

Маловато информации.

С выводами погожу.

Шестерни и решетка подсвечены багровым. Источник света непонятен. Вроде исходит откуда-то сверху.

Посмотрев еще немного, я аккуратно вставил кирпич обратно, закрывая тайник и обрывая доносящийся снаружи гул. Мигнувший багровый луч исчез. Чуть постояв у лежака, я пошел к столу, не забыв прихватить сверток. Попутно собрал расползающиеся в руках ошметки мусора – выброшу при следующем посещении туалета. Я наведу в этом месте идеальную чистоту.

Шестерни. Решетка. Багровый свет. Медленное кручение… Рычаги…

Рычаги…

Вот единственная видимая мною связь внутреннего с наружным. Я регулярно дергаю за рычаг номер один. Дергаю послушно, как дрессированная обезьянка. А снаружи горит багровый свет, и медленно кружатся шестерни… это все определенно как-то связано воедино.

Я покрутил головой в странном зашкаливающем безумном восторге.

Каждый час добавляет новых загадок. И пока ни намека на хотя бы один ответ!

Сверток опустился на стол. Обвязан тщательно. При прощупывании очень плотный. Выглядит как туго перевязанная и довольно длинная колбаса. Узел поддался легко. Под чуть сыроватой мешковиной обнаружилось два прозрачных пакета. Сквозь пластик опознав несколько предметов, я удивленно хмыкнул. Не ожидал такого.

Первый пакет содержал следующий набор предметов.

Один советский паспорт. На имя Миклакова Сергея Никитича. 1942 года рождения. С фотографии смотрел еще не достигший тридцатилетия коротко стриженный усатый парень.

Один российский паспорт. На имя Суворова Павла Александровича. 1996 года рождения. Молодой парень. Голубоглазый. Лохматая шевелюра.

Паспорт Луковии… на имя Уракагара Лудро Винича. 568 года рождения. С фотографии смотрит крепкий мужик лет сорока. Бородатый. Длинные волосы до плеч. Утолщенная переносица. На нем рубашка без воротника, ворот со шнуровкой.

Водительские права. Текст выдран с мясом. Остались корочки и налепленная фотография. С нее глядит – я уже ожидал – крепкий мужик лет под сорок. Кустистые брови. Внимательный серьезный взгляд. Удивительно широкие ноздри. Мясистые губы.

Почетная грамота. «Выдана Стеньке Парамонову в благодарность за усердную многолетнюю службу истопником в счетоводной конторе братьев Арамовых».

Наградной лист. На представление к званию Героя Советского Союза некоего Абдулова Тажира Борисовича. За совершенный боевой подвиг. Большое описание подвига. Пулеметный расчет. Героическая оборона высоты. Уничтожение большого количества вражеских солдат. Печать. Размашистая подпись.

Какая-то книжица. Непонятный текст. Буквы причем знакомые, но вот складываются в полную несуразицу. Фото в наличии. Крепкий мужик чуть за сорок. Умное породистое лицо. Высокий лоб. Волосы зачесаны назад.

Крупного формата треугольная книжица. Реально треугольная. На второй странице рисунок выполненный вручную. Изображает молодого широкоплечего парня стоящего на поросшем цветами взгорке, поднявшего руку в приветствии и улыбающегося. Парень изображен в полный рост. Рисунок очень качественный. Но это именно рисунок, а не фотография.

Так…

Я помассировал затылок. Начался бред.

Советский и российский паспорт – ладно. Наградной лист – туда же, хотя вряд ли такой документ дадут тому, кого представляют к награде. Если ввести в уравнение временную линию, то все логично. Мы появляемся здесь по одному. Кто и сколько лет тут живет подсчитать трудно, но, как бы то ни было, годы проходят. Время на месте не стоит. Даже грамота истопника вписывается в эту теорию.

Но вот паспорт Луковии? Это что за страна такая? Никогда не слышал.

А треугольный формат паспорта? С рисунком вместо фото! В полный рост! Он еще и рукой машет – я даже представил, как милиционер тамошний открывает документ для проверки и сразу добреет, видя улыбчивого парня, машущего приветственно рукой. Ага…

Бред!

И ведь все документы очень солидные. Качество бумаги. Исполнение. Печати. Подписи.

А это что?

Свиток!

Бумажный свиток. Буквы вообще непонятные. И текст идет под углом сверху вниз.

Получается каждый из здешних узников, кто попал сюда с документами, сделал свой вклад в эту коллекцию. Собрание документов можно приравнять к мемориальной доске. Или к надгробиям. Еще от них оставались черепа – но с этой традицией я решительно покончил. Документы уничтожать не стану. И если однажды выберусь отсюда, то прихвачу их с собой. Вряд ли удастся отыскать родственников, погибших здесь мужиков. Но тот же Суворов Павел девяноста шестого года рождения не мог пропасть слишком давно. Кто-то ведь его ищет сейчас. Подали в милицейский розыск, ищут хотя бы могилку. А он очутился здесь, сколько-то прожил, потом умер и оказался спущен в туалет по частям. Жутко несправедливо. Если выберусь – отыщу его родственников и извещу. Чтобы души их не томились.

А меня кто-нибудь ищет сейчас?

Уверен, что нет.

Я всегда дистанцировался от приятелей и девушек. Не позволял сближаться с собой, не позволял втянуть себя в неизбежные дрязги, скандалы, ссоры, измены и прочие «прелести» большой компании тех, кто уверенно называет себя настоящими друзьями. Поэтому никого не удивит, если я не выйду на связь в течение месяца. Я, бывало, и раньше уезжал, когда чувствовал, что телу и разуму требуется отдых.

Собрав документы, отложил их в сторону и взялся за перетянутую тремя резинками толстую пачку бумажных денег. Разноцветная кипа разномастной бумаги. В глаза сразу бросились треугольные купюры сине-зеленой расцветки. Думаю, их можно уверено соотнести с треугольным паспортом.

Рубли советские. Купюра в двадцать пять. В рубль. Трешка. Еще рубль.

Рубли российские. Тут купюр побольше. Все мелочь бумажная затертая.

Луквы. Удивительное название для денежной валюты. Здравствуй, Луковия. Всего двадцать луквов в трех купюрах оранжевого и светло-зеленого цвета. На деньгах изображена женщина с пышной высокой прической и важно надутыми

губами.

Деньги, стилизованные под бересту. Будто срезали с березы полотно коры, нарезали на одинаковые прямоугольники, после чего выжгли каллиграфическим почерком цифры и буквы.

Что в небольшом тряпичном мешочке?

Там горсточка монеток.

Чуть подумав, добавил к общей сумме собственные деньги. Пачка стала чуть толще. Бесполезная бумага. Но ведь сберегли же ее. Равно как и удостоверения личности.

А это что?

Среди монеток отыскались орден и медаль. За боевые заслуги. И за героическую оборону Луковии. Судя по внешнему виду и весу последней награды, она была отлита из золота. Медали начищены до блеска.

Встрепенувшись, вернулся к денежным купюрам и осмотрел их пристальней. Бумажки потертые, долгое время переходили из рук в руки. Надорванные края. Загнутые уголки. Пара неразличимых пометок карандашом. Чей-то телефонный номер, наспех написанный ручкой. А ниже пометка «отдать долг Саше». Потрепаны все купюры без исключения. Исполнение очень качественное. Это не на принтере распечатано для прикола. Пачка настоящих денег. Отбросив деньги, я сходил к рычагу, затем вернулся и, усевшись на стол, стиснул виски ладонями, глядя на лежащие у ног удостоверения и денежные знаки.

Нет таких стран, как Луковия. Не существует страны, где денежные купюры стилизованы под древесную кору с выжженными цифрами. Не помню современных государств использующих треугольные паспорта и монеты. А мужчина и женщина с утолщенными переносицами? Странные имена? Рисунок в паспорте вместо фото – да еще и в полный рост! И с пригорком!

Если бы хоть в одной стране мира вместо фотографий в паспорта вклеивали рисунки владельцев… об этом курьезе знал бы весь мир. Уверен – на моей

планете, в моем мире, подобных паспортов нет. Равно как и страны Луковии. Я не спец. Но Луковия… нет такой страны.

И что теперь думать?

А ничего не думать.

Вернее – размышлять можно и даже нужно, но так, чтобы эти размышления никоим образом не мешали моему выживанию. Мне нельзя сейчас размазываться мысленной кашей. Мне нужна сосредоточенность. Я должен сфокусироваться на одном – стабилизация своего положения.

Выживание.

Выживание во главе угла.

И этим все сказано.

Я продолжил осмотр. Вскрыл второй сверток. И от удовольствия прищурился так сильно, что, наверное, стал похож на улыбчивого Будду.

Второй сверток содержал сокровища.

Две иголки. Одна вполне современная на вид. Другая из темного металла, чуть искривлена, вместо ушка какой-то «зацеп» для нитки. Есть и намотанная на что-то длинная серая нитка. Небольшой клубочек.

Перочинный нож с источенным от постоянной заточки тонким лезвием. Только лезвие и рукоять. На черной пластиковой рукояти с обеих сторон вытянулась в прыжке белка.

Полпачки лоперамида. «Лоперамид». Это лекарство я знаю. От поноса. Настоящий подарок. При отсутствии пищи и лекарств – понос страшная болезнь. Может свести человека в могилу очень быстро.

Горстка пуговиц. Сорок две штуки. И снова в голове мысленная каша – очень уж разные пуговицы. Металлические со звездами. Пластиковые. Деревянные.

Костяные. Да. Деревянные и костяные. Среди пуговиц нашлось и несколько одежных крючков.

Две молнии. Одна короткая, как на моих джинсах. Другая подлиннее, вполне подойдет для мужской куртки. Молнии отпороты бережно. Аккуратно смотаны.

Ключи. В смысле – от замков врезных и навесных. Штук двадцать. Разные. Парочка крохотных медных. Некоторые, наоборот – в половину моей ладони длиной.

Полная на треть аптекарская бутылочка. Внутри мазь. На этикетке изображена церковь, но вместо креста ее купол венчает символ солнца – диск со множеством волнистых лучей. Перед церковью стоит добродушно улыбающийся пузатый священник. Витиеватая надпись гласит «Мазь от хворей иерарховых». Никаких сведений о дате выпуска и сроке годности.

Открыл. Понюхал. Запах смутно знакомый. Что-то дегтярное. И одновременно очень сильно напоминает запах мази Вишневского. Может, она и есть? Но запах немного отличается. Тут присутствует что-то ментоловое и цветочное, если меня не обманывает нос. Под названием от руки приписано «Заживляет. Очищает».

Закрыв бутылочку, продолжил осмотр.

Телефон. Сотовый. «Самсунг». Сенсорный. На вид устаревший – такие были в ходу лет десять назад. Но может и до сих пор кто-то пользуется – не каждому по карману перейти на современную модель. Вжал кнопку включения. Подержал зажатой. Телефон остался мертв. Либо сломан. Либо, что наиболее вероятно, в аккумуляторе не осталось ни капли энергии.

Три автомобильные свечи зажигания. Новенькие. Три штуки. До сих пор лежат в картонных футлярах. СССР.

Четыре многожильных медных провода. Похожи на автомобильные.

Колода игральных карт. Очень потрепанные. Пересчитал. Тридцать три штуки родные. Еще три вырезаны из серого картона. Восстановленные карты – это туз пик, шестерка буби и валет крести. Сразу представил, как одинокий узник сидит

на лежаке и час за часом раскладывает пасьянс или в одного играет в дурака.

Карманные часы. Серебряные. Немного повозившись, разобрался и открыл крышку. Блестящее стекло без единой щербинки. Обычный круглый циферблат. Римские цифры. Стрелки. И надпись понятными мне буквами, складывающимися в абракадабру.

Тоненькая книжка. Сказки народные. Крупный шрифт. Яркие картинки. Всего четыре сказки. И все мне незнакомы. Первая сказка про морского чертенка, решившего стать добрым волшебником. Вторая про то, как зверята строили дружно укрытие для охромевшего оленя, опасающегося злого охотника. Закрыл книгу. Но проверил название издательства. Из технической информации в первую очередь удивил тираж – сорок тысяч экземпляров. Немало. А название издательского дома: «Издательский дом Трумарион».

Огрызок толстого карандаша. Судя по цвету грифеля, именно им нарисованы три игральные карты.

Деревянное распятие. Иисусу выцарапали на груди крест и отрезали нос. Глубокие надрезы на бедрах и локтях. Жестоко… кому-то явно срывало крышу. И кто-то был очень обижен на Бога.

Пряжка от ремня. Алюминиевая.

Губная помада. Красная. Непочатая. Вот это странновато. Но кто сказал, что сюда не могли замести гея? Или шедший домой муж купил по просьбе жены помаду, но до дома так и не добрался. Помада пересохла.

На этом перечень моего нового имущества заканчивался. Негусто. Но хоть что-то! Мне досталось богатство накопленное поколениями здешних узников, что тщательно сберегли свои пожитки. Сохранили от сырости.

Вопрос…

От сырости ли прятали вещи в тайнике?

Обычного целлофанового пакета вполне бы хватило, что защитить вещи от сырости. А холод им не страшен. Хорошенько запакуй и оставь на столе. Ничего плохого не случится. Но узники предпочли прятать вещи в тайнике, прикрытом лежаком. А единственный на него намек – крохотная пометка-помарка на карте в жестяной коробке из-под мятных леденцов. Не хочу строить из себя гения, но далеко не каждый обратит внимания на эту точку, выглядящую как обычное случайное пятнышко. Что еще опасней – попавший сюда узник может для начала сбрендить от свалившегося на голову несчастья. И в припадке бешенства может запросто разорвать карту в клочки. И тогда все – указание на секретное хранилище окажется утерянным навсегда.

Неужели все эти игры в великую тайну оправданы?

Кого опасались узники?

Опасались ли?

Неужели сюда может прийти кто-то с… с проверкой? С досмотром?

Кто? Некий тюремщик?

Опять множество вопросов и никаких ответов.

И снова я отложу эти вопросы на потом.

Упаковав находки, завязал сверток. Сходил к лежаку и спрятал все в тайник. Поднял и закрепил лежак. Глупо пренебрегать мудростью прошлых сидельцев – быть может и есть причина так осторожничать. Поэтому пока последую их примеру. Помимо чужих вещей, убрал в тайник и собственные предметы. На лежаке остались только одна игла и длинная серая нитка. Возможно, у меня появятся позднее мысли о практичном использовании остального «богатства», но сейчас надо заняться починкой рубашки – где-то я все же зацепил рукав.

Отметил в голове факт, что вино и запас сухарей стояли открыто. То есть за запасы еды и питья опасаться не стоит. А вот любые другие предметы стоит поберечь от чужого ока.

Еще факт – за мной никто не наблюдает в текущий момент. Эта мысль грызла меня уже давно – что-то где-то в стене и под потолком установлены камеры. И кто-то прямо сейчас смотрит, как я тут пресмыкаюсь, пытаясь выжить. Но нет. Никто не наблюдает. Почему я в этом уверен?

Тайник.

Будь тут видеокамеры и некий Наблюдатель, смотрящий за экранами, – местонахождение тайника было бы известно ему.

Я все же убрал вещи в прежний тайник. И продолжал придерживаться прежнего мнения – глупо пренебрегать мудростью предыдущих сидельцев. Если кто-то и приходит сюда с досмотром, этот «кто-то» осматривает камеру самолично. Без помощи видеокамер. Где-то открывается некая дверь. Входит ОН.

Как это происходит?

Проскальзывает бесшумная тень?

Или он входит тяжелой, уверенной поступью?

Их несколько?

Они молчат?

Отдают узнику приказы?

Когда это происходит?

А вот тут предположение у меня есть – не при нашей жизни это происходит.

Даже если у узника есть наркота или оружие, или другие опасные или лишние предметы. Что с того? Он сидит в одиночной камере. Единственный кому он может причинить вред – он сам. Но куда хуже, если предметы от одного узника, по наследству передаются следующему. Это все увеличивающаяся волна накопительства. Предметов все больше. И это уже, теоретически, может создать угрозу… угрозу чему? Опять тупик…

Если я прав, то ОН приходил сразу после смерти моего предшественника. Прошелся по камере. Возможно, что-то забрал. Не притронулся к сухарям и бутылкам. Не коснулся трупа. И ушел. Затем появился я. И скорей всего, в следующий раз ОН придет сюда только после моей кончины…

Но это теория… не больше. Только теория.

Я наведался к рычагу. Свет тут же мигнул и погас. Дернул за рычаг. Вернулся к столу. До следующего «бонуса» мне надо продержаться несколько часов. Займусь делом.

Вооружившись тряпками, я взялся очищать лежак и стену рядом с ним от грязи. Чистил с тщательностью. Черные наслоения отходили пластами. Обмотав пальцы тряпкой, я проходил по швам между кирпичами, надраивал каменный стол. Грязь летела к полу дождем. Сходив за водой, напился сам, обильно полил стол и стену. Прошелся тряпками еще раз. Вскоре зона моего обитания вернула себе девственную чистоту. Я приступил к мытью пола вокруг стола. Отскреб полукруг, бросил тряпку для вытирания ног. Готово. Сходил дернуть за рычаг.

Дернувшись, остановился, замер. Прислушался. Нет. Показалось. Вернее, почудилось – будто слышу чей-то далекий шепот. Одиночество творит с человеком странные вещи. Говорят, нет способа лучше понять самого себя, чем оказаться в долгой изоляции наедине только с собой.

Сняв рубашку, продел нитку в иголку, заштопал дыру. Прошелся по всем швам. Нашел те, что грозились расползтись. Добавил там пару стежков. Старался делать все аккуратно. Вытянув из рукавов пару ниток, отложил их в сторону. Проверил джинсы. Штанины снизу давно уже начали лохматиться. Там мне на это было плевать. Сейчас это даже модно. Здесь же подобное неприемлемо. Я подшил штанины, проверил ткань на крепость. Джинса это джинса. Если носить бережно джинсы служат годами.

Одна задача выполнена. Иголку и надерганные нитки убрал в тайник. Хотел взять игральные карты, но решил убить время более практично.

Для начала сделал из небольшой пластиковой бутылки стакан. Плеснул туда на палец вина. Щедро разбавил водой. Темно-красное превратилось в светло-

розовое. Пригубил. Вкусно. Правда, вкусно. Выудил из банки сухарь. Встал напротив стола и принялся разглядывать очищенную от грязи стену.

Тут было на что посмотреть. И не на что.

Стена исцарапана, исчерчена. Тут постарались многие. Но большинство не старались дать какую-то информацию следующим узникам. Нет. Они просто чиркали что-то от скуки или тоски.

Вот изображен деревенский домик, как его рисуют дети – треугольник поверх прямоугольника. Сверху труба с дымком. Окошко. Рядом прилеплена дверь. Чуть в стороне собачья конура. И косоватая надпись «Дом родной».

Несколько кирпичей испещрены косыми короткими линиями. Каждые шесть штук перечеркнуты по горизонтали. Календарь. Заброшенный календарь. Ведший его либо разочаровался и разуверился. Либо умер. Но тут никак не меньше сорока недель.

«Железные колеса рокочут за стеной».

«Смирение – опора моя».

«Верьте – велика цель наша!»

«Дисциплина и железный распорядок – ключи к выживанию! Знай! Помни!»

– Знаю, – отозвался я давно умершему мудрецу. – Помню.

«Все мы устаем. Потому запасайте пищу! Сушите сухари!»

«Сухари лучше всего сушить на тряпичном пологе, поднятом под потолком».

«Вино и ягоды – царское угощенье!»

«Пищи много не бывает!»

«Лень – главная угроза!»

И снова рисунки. Причем один даже талантливый. Легко можно было увидеть широкий луг и небольшую рощу у горизонта. И контуры деревенской хатки, окруженной плетнем.

Сколько людей стояли за этим столом и смотрели на стену? Смотрели часами. Тут особо нечем заняться.

«Лень – главная угроза!» – вот эта надпись особенно актуальна для меня.

Одиночное заключение. Монотонное дерганье за рычаг. Свет потух. Свет зажегся. Рваный ритм сна. Никакой перспективы впереди. Как долго человек продержится в таких условиях? Как скоро он решит послать все к чертям собачьим и для начала хорошенько выспаться? Проспит часов десять. И получит за такую дерзость сполна – придется начинать с самого начала.

Взявшись за тряпку, я продолжил уборку коридора, равномерно расширяя пятно чистоты в стороны. Отчистил противоположную стену коридора. Вымыл пол в пяти водах. Два раза дергал за рычаг. Съел еще один сухарь. Положил на стол сложенную несколько раз тряпку. Сверху поставил гирю. Повесил на место веревку. Рядом ремень. Потратил час на тщательнейшую очистку гири от ржавчины и грязи. Прямо тщательнейшую – то есть любовно и крайне неспешно очистил спортивный инвентарь от каждого пятнышка.

Я не торопился.

Почему?

Потому что начал осознавать – у меня впереди, возможно, целая жизнь в этих стенах.

Нет. Я не смирился. В голове уйма мыслей. Уйма планов. Уйма замыслов. Но спрятал их в глубокую мысленную кладовку и запер на пять замков. Рано еще пока. Но я не смирился.

Однако глупо отмахиваться от реальности и верить, что вот сейчас скрипнет замаскированная дверь, и пригласят на выход, пригласят в свободу. Пусть в душе я рвусь на волю. Но придется здесь задержаться.

Ограниченное пространство.

Мало действий.

Море рутинной работы – дерганье рычагов иначе не назвать.

Скоро только она и останется – навязанная рутина.

Побочные действия быстро кончатся – уборка, штопка, чистка стена и так далее.

И начнется безделье…

А безделье – отец всех пороков.

Не знаю, как для женщин, но для мужчины нет врага страшнее, чем безделье.

Стоит мужчине закиснуть – и ему конец! Из слитка закаленной стали он превратится в брусок сливочного масла, лежащий на солнцепеке.

Для себя такого исхода я не допущу. Я всегда найду себе работу. И выполню ее предельно хорошо!

Взяв гирю, отнес ее к ледяной стене, перегородившей коридор. Потратил пять минут на разминку мышц. Примерился к истончавшему ледяному языку. Расставил ноги для устойчивости. Рывком поднял гирю на плечо. И с замахом опустил ее на ледяной горб языка. Лед поддался легко. С легким треском промялся. Глубокая вмятина наполовину заполнилась водой. Я повторил процедуру. Всего десять раз. Десять ударов по разным местам ледяного языка. Во все стороны разлетелись брызги и ледяное крошево. Мог бы сделать еще несколько взмахов пудовой гирей. Но предпочел поберечь силы. Взялся за гирю другой рукой и потащил ее обратно к столу. Там поднял. Поставил на край и накрыл просыхающей тряпкой.

Отдыхая, чуть посидел на краю стола, свесив ноги и легонько ударяя пятками о кирпичи.

Когда свет погас, я был готов и уверенно потянул за рычаг.

Пятнадцатый раз с интервалом в двадцать четыре минуты.

Свет зажегся.

Что изменилось?

Внешне – ничего. Тот же поток теплого воздуха. Та же яркость освещения.

Но, если все идет как задумано, теперь временной интервал увеличился с двадцати четырех до сорока восьми минут.

И еще – когда я потянул рычаг, произошло кое-что новое. Я отчетливо услышал металлический щелчок, донесшийся от раздвижного люка «клетки». Главное не терять времени. Тут все завязано на секунды. Дойдя до туалета, я первым делом проверил люк. Все нормально. Открывается и закрывается. Стало быть, это рычаг номер два.

Взявшись за холодную рукоять, вздохнул и потянул заблокированный рычаг. Он поддался. Плавно пошел вниз. Щелкнул. Вернулся назад.

Меня мягко толкнуло в ноги и шатнуло спиной назад.

Так бывает, когда стоишь в трогающемся с остановки автобусе.

Взмахнув руками, я сохранил равновесие. Замер в неподвижности, прислушиваясь к коридору и собственным ощущением. Не изменилось ничего… хотя… меня толкнуло в ноги еще раз. Опять потянуло назад. Скорость увеличилась…

Если я все правильно понял, то едва дернул за второй рычаг, как вся моя тюремная камера пришла в движение. Вся целиком. Как железнодорожный вагон с единственным пассажиром.

Рывок. Толчок. И поехали…

Я стоял совершенно свободно. Не ощущал больше никаких колебаний стен и пола – имевших место только что.

«Кто работает – тот ест! Работает, когда келья в движении!»

Это настенное изречение обрело смысл и актуальность в моих глазах.

Я сделал огромный шаг вперед. Довел временной интервал до сорока восьми минут. Разблокировал второй рычаг. С его помощью привел в движение келью тюремную. И вот я в пути…

И теперь должна открыться кормильня. Вопрос в том ког…

Раздался мелодичный протяжный звон. Он донесся с противоположной стороны коридора. И там же, в стене, вспыхнула три раза зеленая искра. Заметит глухой, услышит слепой.

Через четыре секунды – машинально отсчитал про себя – звон и вспышки зеленого света повторились. А следом послышался отчетливый металлический лязг. Открылась?!

Я рванул с места, как олимпийский спринтер. Я так старался. И будет глупо, если попросту не успею к моменту закрытия кормильни – а она вряд ли будет стоять открытой долго.

Посмотрим, что мне послали тюремщики.

Посмотрим, что за яства приготовили они мне для первого ужина.

Глава третья

Лишившись всего, человек быстро понимает, что для счастья ему на самом-то деле нужно совсем немного. Он вполне может довольствоваться малым. И при этом удовлетворять все свои нужды.

Я привык питаться фастфудом, но периодически захаживал в дорогие рестораны. Наслаждался кулинарными творениями признанных шефов, мастерами высокой кухни. Каких только блюд не пробовал. Чего только не едал и не пивал. Настолько себя избаловал, что, казалось, навсегда утратил то чувство детского восторга, когда пробуешь новое для себя блюдо и внезапно ощущаешь взрыв невероятного вкуса, заполнившего рот.

Когда пробуешь…

А тут я ощутил ликующий восторг еще до того, как прикоснулся к посланному кушанью.

Я ощутил подлинную незамутненную радость еще за три шага до открывшейся кормильни.

Рот наполнился слюной. Я вновь ощутил себя ребенком, что в нетерпении приплясывает подле матери, готовящей ему вкуснейший бутерброд с колбасой.

Протянув руки, я взял еду. Мелодичный звон. Последняя зеленая вспышка – свет исходил из заросшей темной грязевой пленкой щели между кирпичами над нишей. С лязгом кормильня захлопнулась.

Состоялось.

Узник получил еду.

Повернувшись, я поторопился к столу. Меня снедало нетерпение разглядеть угощение. Еда жгла мне руки – в буквальном и переносном смысле.

Опустив еду на чистую тряпку, служащую мне полотенцем, я отступил на шаг и впервые рассмотрел «паек». Еда удивляла внешним видом. И еда выполняла роль посуды для себя самой.

Толстая прямоугольная лепешка, что обжигала мне руки. Она запечена до темной румяной корочки. Поверх первой лепешки стоит лепешка поменьше. Именно стоит – вторая лепешка запечена в виде неглубокой тарелки. В тарелке какое-то густое зеленоватое пюре с темными вкраплениями. Рядом с тарелкой солидный кусок уже знакомого мне хлеба с добавлением трав. Поверх него лежит кусок рыбы. Размером с мой указательный палец.

Это все.

Поднос. Тарелка. Пюре. Кусок хлеба. Кусок рыбы. Причем и поднос, и тарелку следует съесть.

Настоящая посуда и столовые приборы узникам не полагались.

Я прикоснулся к лепешке-«подносу». До сих пор горячая. Она только что из духовки. Принюхался. Удивленно вздернул брови и втянул воздух еще раз. Дым. Мой обед отчетливо пахнет дымом. Так пахла еда, приготовленная в дровяной печи моей прабабушки, родившейся и умершей в глухой деревушке под Тулой. Любимый ею край. Который она так и не захотела покинуть. Раз в год я обязательно ездил на ее могилку на запущенном и почти заброшенном деревенском кладбище. Сидя у ее могилы, потихоньку поцеживая любимый ею дешевый кагор, что она пила по праздникам, я постоянно вспоминал те завтраки, обеды и ужины, что она готовила мне. Думал, никогда больше не ощущу ничего подобного – ни запаха, ни вкуса.

Но запах – вот он.

Исходит от полученной от неизвестных тюремщиков пищи.

Вкус…

Состав…

Более трезвая мысль – сколько энергии в этой пище?

Углеводов здесь хватает. Судя по цвету пюре, если это не искусственные красители, то в него добавлены какие-то овощи и зелень. Клетчатка. Витамины.

Что за темные вкрапления еще не знаю. Но есть надежда, что это мясо. Тогда еще и белок. Рыба – это отдельная песня. Не знаю, откуда она выловлена, из реки или моря, но продукт это однозначно полезный.

Может ли быть еда отравлена? Нет. Бред. Если только пища не подходит моему организму в силу естественных причин. Есть у некоторых племен такие обыденные ежедневные блюда, отведав которые, любой европеец прямиком отправится в больницу. Или сразу на кладбище.

Но вряд ли здесь тот же случай – пища выглядит «по-нашему». И пахнет по-нашему – я отчетливо ощущаю запах картошки.

Количество?

Да. Порция подкачала. Если такое я буду получать хотя бы три раза в день – норм. Два раза – сойдет с натяжкой. А вот если это на весь день… для взрослого мужика маловато будет.

Как кушать без ложки?

Легко и просто. Многие народы мира решили эту проблему века назад. Отломил от края тарелки кусок. Зачерпнул им зеленоватого пюре. Всмотрелся. Темные вкрапления – это мясо. Его совсем немного. Мелко-мелко накрошено, брошено скупой щепотью сверху на пюре. Но это мясо! Я убежденный мясоед. Нейтрально отношусь к людям с иными предпочтениями.

Попробовал. Горячо. Вкусно!

Прямо вкусно!

Овощное пюре оказалось густым, в меру соленым, очень приятным на вкус. Организм принял его без колебаний. Сейчас полагалось выждать полчаса – проверить реакцию. Вдруг аллергия? Тогда мне каюк. Но я ждать не стал – хлебная тарелка вот-вот размякнет. А еда остынет.

У меня здесь мало радостей.

А горячая пища… в былые времена одно воспоминание о горячей еде наполняло сердца измотанных путешественников радостью и силой. Я, конечно, не путешественник… хотя… куда-то ведь я движусь! – вместе с тюремной камерой. Что за непостижимые вещи происходят со мной и вокруг меня…

Пока поражался, пюре закончилось. Вместе с тарелкой перебралось в мой желудок, где и свернулось горячим комком. На лбу выступила испарина. Язык слегка покалывало – была в пюре некая остринка. Совсем чуть-чуть. Просто чтобы повысить аппетит.

Отложив кусок «травяного» хлеба и рыбу, взялся за «поднос». Отломил край. И обнаружил внутри начинку. Поднос оказался хрустким пирогом с овощной начинкой. Присутствовали и кислые ягоды – что-то вроде клюквы, наверно. Ее вкус еще свеж в моей памяти – недавно пил клюквенный морс с водкой. Еще витамины. Отлично. Я съел вторую лепешку до крошки. Прислушался к своим ощущениям. Почти сыт.

А это всегда было моей строгой нормой – есть до состояния «почти сыт», но не больше. Если наесться до отвала – сразу пропадает желание делать что-либо, все дела откладываются на потом, появляется тяжесть в ногах, осоловелый взгляд с тупым равнодушием смотрит куда угодно, но только не на работу.

Кусок хлеба и рыба.

Начну с рыбы. Взяв кусок, принюхался. Пощупал. Хорошо помял в пальцах. Не копченая. Скорее вареная. Но если судить по виду, сначала рыбу все же засолили и высушили. А потом бросил в кипяток, чуть поварили, достали, разделили на порции и отправили узникам.

Узникам…

Откуда эта мысль у меня в голове?

Откуда множественное число? Я здесь один. И камера тюремная здесь одна. Никаких звуков, голосов или иных признаков людского присутствия я не слышал. И не видел – если не считать свидетельств, оставшихся от моих померших предшественников.

Откуда же у меня такая уверенность, что я не один здесь такой?

Из-за продуманности полученной пищи? Ну, кто будет так стараться ради одного единственного узника? Бросили бы сухую, как доска, рыбу, сверху кусок черствого хлеба. И хватит. А тут скудный, но обед.

И снова проклятье. И снова никаких доводов в пользу этой теории.

Ладно…

Рыба…

Я откусил крохотный кусочек и, тщательно прожевав, проглотил. Вкус приятный. Рыба, кажется, речная. Совсем немного отдает тиной. Рыба простецкая, это очевидно. Сомятина? Возможно. Рыбу съел. Облизал пальцы. Выпил в меру воды. Прикрыл полотенцем кусок хлеба. И, следуя советам прежних сидельцев и доверяя их опыту, сходил к тайнику, откуда вытащил нож. Вернувшись, нарезал хлеб ломтиками. Взобравшись на стол, сумел закрепить и растянуть там тряпку. Уложил нарезанный хлеб. Скоро он подсохнет. Мои запасы пищи пополнятся. Нож вытер, сложил, убрал в тайник.

Подошло время, и я дернул рычаг номер один.

И снова металлический звон от рычага номер два.

Прихватив с собой гирю, дошел до люка. Дернул второй рычаг. Приготовился… но на этот раз толчок оказался куда мягче, едва ощутимым – будто локомотив не тронулся с места, а просто чуть-чуть прибавил скорости. Локомотив… да, у меня по-прежнему прочные ассоциации с железнодорожным транспортом. Я воспринимаю свою камеру как огромный железнодорожный вагон.

Повернулся в сторону кормильни. Подождал. А вдруг?

Но нет. Ни звона, ни зеленого света. Дураков там нет и никто не собирается кормить меня каждые сорок восемь минут. Кстати, мне надо дернуть за рычаг еще четырнадцать раз, чтобы перейти на больший временной интервал. Если точнее… то это случится через одиннадцать часов с небольшим.

Пройдя дальше, я взялся за гирю и разметал остатки ледяного языка. После чего нанес несколько ударов по все темнеющей и темнеющей ледяной стене. Под ногами хлюпала вода. Мне бы кирку. Но ничего похожего не видел. Мне бы тесак тот мясницкий оторвать от цепи… что там за металл? Сталь? Что-то очень прочное. Голыми руками не взять.

Избегая портить обувь, куски льда пинать не стал. Собрал и оттащил к дренажному стоку. Вернувшись к столу, выполнил несколько базовых упражнений с гирей. Работал с тяжестью предельно аккуратно. Травмы недопустимы. Но я обязан стать сильнее как можно скорее. Обязан вернуть свою прежнюю форму – которую поддерживал в те далекие времена, когда у меня была ЦЕЛЬ, достигнув которую, забросил все. Сюда бы еще боксерский мешок. Я бы с радостью покидал в него удары. Надо подумать, как можно его соорудить самостоятельно. Закончив занятия, вытер гирю, убрал на ее место.

Уперев руки в бока, оценивающе оглядел свое имущество. Оно все лежало передо мной – не считая вещей в тайнике.

Продовольствие. Хлеб. Вино. Водка.

Одеяло. Две разные по размеру простыни. Все сшито из лоскутков. Все нуждается в починке.

Пустая тара. Различная. Бутылки стеклянные. Пара бутылок пластиковых. Два пластиковых стакана.

Тряпье. Просто тряпье. Оставил такое, что еще не прогнило. Планирую из всего этого сделать что-нибудь путное или пустить на заплаты.

Веревка тряпичная.

Ремень поясной.

Телефон намокший. Высушенный. Неработающий.

Гиря. Пудовая. Инструмент, спортивный инвентарь. Оружие обороны. Да. Оружие обороны. Нападать ни на кого не собираюсь. Но если вдруг появится

здесь недруг, что ясно выразит агрессию – я живо приголублю его гирей.

Вот вроде бы и все мое имущество.

Много это или мало?

Я считаю, что пока хватает – имеющегося более чем достаточно для относительно комфортной жизни в моей тюремной «келье».

Нужно ли мне больше вещей? Да. Нужно.

Почему?

Потому что я не собираюсь оставаться смиренным узником, исправно дергающим за рычаги. Да. Я продолжу это делать. Час за часом. День за днем. Но помимо непонятной работы на благо непонятных тюремщиков, я буду лелеять в голове замысел побега. Я вырвусь отсюда. Вся моя жизнь не пройдет в этих мрачных стенах. Этого не будет!

Поставленная цель и желание идти к ней – страшная сила. Такая, что способна проломить любую стену, сокрушить любого противника, преодолеть любую пропасть, достичь любой вершины. В свое время я убедился в этом. Равно как и в том, что нужно быть хорошо подготовленным.

А в понятие «подготовленность» входит много чего.

Физическое состояние – мое тело должно превратиться в стальной закаленный слиток. Я не знаю, что меня ждет за стеной и крутящимися в багровом свете шестернями. И физически я должен быть готов к любой дороге. Будь то узкие тюремные коридоры, темные трубы, отвесные стены или все это вместе взятое. Я должен быть способен пробежать без отдыха десять километров самое малое. Подтянуться и взобраться на стену. Перепрыгнуть яму. Придушить охранника и забрать у него оружие. Да. Вплоть до «придушить». В охранники абы кого не берут. Можно ожидать, что он подготовлен к такого рода ситуациям и даст отпор. К тому же он наверняка будет вооружен. Поэтому я должен, я обязан быть сильнее него!

Духовное состояние – душа и разум должны быть сильны как никогда. Я вижу только кирпичные стены вокруг себя. Я не знаю, где нахожусь. Не понимаю ничего. Все скрыто туманом. И это жутко давит на психику. Одно дело знать, что ты натворил и каков твой приговор – пусть даже пожизненный – вот тогда можно вздохнуть и расслабиться. Но я не знаю ничего. Но мне уже пришлось видеть и даже расчленять трупы. Нерадостное дело. Водка помогла. Но постоянно полагаться на водку для достижения крепости духа? Так поступают только слабаки. Это не мой путь. Я закалю дух постоянной работой, не позволю себе превратиться в слюнявую тряпку, у которой только и хватает сил, чтобы дергать за рычаг и как собака ждать подачки. Когда-то прочитал несколько книг о медитации – прекрасном упражнении для успокоения мыслей, умении отстраниться от происходящего и для очистки мозгов. Даже пробовал. Но все времени не находилось. Что ж – теперь времени у меня вагон, а за ним пять таких же.

Материальное состояние – вот этот пункт критичен для меня. Я могу многое. Наберусь сил духовных и физических. Закалю душу и тело. Но это никак не поможет мне заполучить еще пять метров крепкой веревки, дубинку, хороший нож, удобные прочные ботинки. Никакие молитвы не помогут мне обзавестись пилой, чтобы прорезать себе путь сквозь решетки, что за кирпичной стеной. Никто не сбросит молящемуся молоток и зубило. Не одарит монтировкой. И уж точно не снабдит пистолетом с парой полных магазинов.

Последний пункт – материальный – серьезнейшая проблема. Поэтому я и рассматривал критически свое имущество, стоя перед столом, охватывая все взглядом и держа в уме спрятанное в тайнике.

Что мне требуется в первую очередь?

Теплая одежда? Вот вроде бы и не требуется – в камере установилась стабильная температура. Ровный поток теплого воздуха не утихает. Лед тает. Когда исчезнет ледовая пробка, здесь станет еще теплее. Сейчас, обутый в легкие мокасины на тонкие носки, одетый в джинсы и рубашку, я ощущаю себя комфортно. Во время сна хватает одеяла. Но кто знает, что будет ожидать меня снаружи? Судя по не желающему быстро сдаться льду, где-то там, за стеной, решеткой и шестернями, меня может ожидать лютый мороз. И без теплой одежды у меня не будет надежды выжить.

Оружие? О да. Очень нужно. Я не строю иллюзий. Если я столкнусь с теми, кто меня сюда запер – без драки дело не обойдется. Мне нужно оружие. Причем такое, которым я умею пользоваться. Дай дураку гранату, и он подорвет сам себя. Дай ему же нож – и он его либо уронит, либо поранится, либо упадет на него животом и сдохнет. Поэтому я бы предпочел дубинку, легкий топор или пистолет. Раньше ходил в тир. Стрелял по мишеням. Звезд с неба не хватал, едва вошел в первую тридцатку лучших стрелков, но при стрельбе на малых расстояниях не промахнусь. Однако верить, что я раздобуду пистолет… смешно… только если он есть у охранника, и я смогу оружие отобрать. Топор и дубинка – опыта боевого само собой не имею. Просто они мне больше «по руке». Привычны.

Что мне еще нужно?

Куча всего… целая куча всего… Я бы мечтал оказаться на месте Робинзона Крузо или Морского Волчонка. В их распоряжении было немало всяких отличных штуковин. Но я оказался на месте Эдмона Дантеса – запертым в одиночной тюремной камере и не имеющим почти ничего. И ведь вряд ли скоро за стеной раздадутся звуки копаемой земли, и вряд ли ко мне наведается добрый мудрый наставник.

Хорошо…

Хватит мечтать и горевать.

Мне может помочь только действие, подкрепленное острым критическим мышлением.

В коридоре оказался тайник. Общий тайник. Скорей всего, информация о нем передавалась по цепочке от одного узника к другому. Возможно, передавалась разным способом. Кто-то ставил крохотную отметку на карте. Кто-то мог умереть рядом с тайником, указывая на него рукой. Способов передать информацию много. Главное, чтобы способ оказался не слишком мудреным – а то ведь можно и не догадаться! С другой стороны, пусть тайник служит достойному и умному – какой смысл передавать секрет общего тайника глупцу? Такой оставит тайник вскрытым, уничтожит общее достояние…

Тайник – вот ключевое слово.

Тут побывали разные люди. С разным мышлением. С разным характером. С разной судьбой, а стало быть, и с разным прошлым. Все это откладывает глубокий отпечаток на наши поступки.

И отсюда предположение – могло ли быть так, что кто-то из моих предшественников предпочел бы создать собственный тайник? Личный. Известный только ему одному и никому более.

Второе предположение – могло ли быть так, что кто-то из моих предшественников тоже замышлял побег из ненавистного узилища?

Ответ на оба предположения – да, могло быть.

Это вполне логично.

И следовательно, я только что нашел себе действительно важное и действительно долгое занятие – тотальный обыск камеры. Мне предстоит осмотреть немалую территорию. Ощупать каждый шов между кирпичами. Попутно наведу чистоту. Мне торопиться некуда. У меня в голове не то что цельного плана – нет пока даже наметок.

Я в самом начале долгого пути.

А каждый путь начинается с первого шага.

И первый шаг зачастую самый важный. Поэтому сделать его надо с умом.

Сходив к тайнику, взял книгу со сказками и карандашный огрызок. Проверил торчащий грифель. Нормально. Заточки карандаш пока не требует. Усевшись на лежак, я раскрыл книгу на последней странице. И на задней стороне обложки начертил часть коридора с кормильней. Вид сверху. Немного кривовато, но для моих целей вполне нормально.

В следующую очередь, едва давя на карандаш, я разделил нарисованную часть коридора на крохотные клетки – сектора. Готов. Оставив книгу, сходил за небогатым своим инструментом, глянул на схему и, опустившись на колени, принялся отскребать пол. Сектора я сделал небольшие – полметра на полметра.

И начать решил с пола. Потом очередь дойдет и до стен. Для них нарисую новые схемы с таким же разделением на сектора.

Четверть часа на один квадрат – примерно столько времени я потратил.

Ладони начало жечь. Колени ломить. Намек ясен. Сходил к столу, набрал тряпок. Замотал руки, подложил под колени. Опять взялся за дело. Я отскребал пол и нижний ряд стенных кирпичей тщательно и последовательно. Проверял швы, давил кирпичи, цеплял их кончиками пальцев и тянул, пытался расшатать. Кирпичи сидели намертво. С огромным трудом отскребя чуть-чуть от одного из швов, я с уважением глянул на крепительную смесь. Что это? Не бетон уж точно. Невероятно прочный состав. Теперь представляю, каких трудов стоило сделать тот тайник за лежаком. Впрочем, у узников хватает свободного времени. Я продолжил работу.

Закончив еще два квадрата, собрал мусор, отправился к рычагу. Дернул его. Выбросил мусор в отхожее место. Задумчиво подергал цепь с тесаком. Если у меня не получится – однажды это лезвие испробует на прочность и мое тело, верно?

Вернувшись, заглянул в схему, аккуратно заштриховал три очищенных и проверенных напольных квадрата. Приступил к четвертому. Проработаю сорок минут и попытаюсь очистить еще три квадрата. Затем дам себе отдых. Осмотрю ладони и колени. Перекушу. Никакого трудового подвига. Никаких трудовых геройств. Размеренная неспешная работа без особых напряжений. Поясница уже ноет – тут ничего не поделать, придется изредка ее разминать. Пусть привыкает.

Спустя почти час работы я получил несколько квадратов чистого пола, немного покрасневшие пальцы и ладони, опыт по очистки пола подручными средствами и нулевой результат в плане отыскания тайников. Но не могу сказать, что все прошло впустую – кое-что я все же нашел и был рад находкам.

Заржавленная английская булавка хороших таких размеров – с мой безымянный палец. Поймал себя на мысли, что приспособившийся мозг перешел на иные способы измерения длины, ширины и величины в целом. Булавка крепкая. И какая-то кустарная… не похожа на предмет заводского изготовления.

Крохотная деревянная фигурка какого-то страшненького идола с огромными зубами и клыками, большущей головой и несоразмерно маленьким туловищем, и конечностями. В макушку идола вкручено железное кольцо с обрывком цепочки. Уродливый брелок для ключей?

Была и третья находка. Но я предпочел оставить ее в разряде «мусор» – человеческий зуб. С кариесом. Огромная такая дырища. Длинные искривленные корни зуба одним своим видом заставили меня содрогнуться. Коренной заболевший зуб. Который здесь не запломбируешь, не очистишь, нерв не убьешь. Его можно только удалить. Но вряд ли придет стоматолог. Как бедолага избавился от такого зуба- переростка? Чем он его выдергивал? Выбивал? Даже думать боюсь…

Но думать придется – а что у меня самого с состоянием зубов?

Последний раз был на приеме у стоматолога полгода назад. Профилактический осмотр, отбеливание. Все было в порядке. Зубы меня не беспокоят и сейчас. Главное их беречь. И надо подумать об аналоге зубной щетки и пасты.

Дьявол кроется в мелочах.

Помню нашумевшую в узких кругах историю, знакомую мне по блогу знакомого выживальщика. Парень фанатично верит в грядущий и неизбежный конец света. И запасается всем необходимым. Заодно где-то в глуши заповедной роет глубокий бункер. Так вот. Он активный пропагандист, с помощью блога вербует в ряды выживальщиков новых сторонников. И он же клеймит позором тех, кто, по его мнению, лишь прикидывается истинным выживальщиком. Поэтому он с восторгом поддержал и раздул эту историю.

Суть – парни и суровые девчата собрались в лесу на три дня.

Палатки, рыбалка, вино, гитара и мечты о том, что за опушкой давно уж отгремел ядерный армагеддон и вот-вот на лагерь набегут мутанты. Помимо отдыха и мечтаний была имитация учений. Еще стреляли из огнестрельного оружия по разным банкам и склянкам – мусор потом собрали и захоронили. Так вот. Был там мужичок неприметный. Первые два дня он сидел у огонька и просто слушал громогласную похвальбу особо крутых. А затем встал внезапно и начал говорить, поочередно тыкая пальцем. И каждый его тычок был будто шилом по

воздушному шарику сделан. Тычок – и парень сдулся. Тычок – и очередной выживальщик со стыдом опускает голову. Ибо возразить мужичку было нечего.

А он говорил простые вещи – у тебя сорок лишних килограммов веса. Ты хвалишься своим затерянным в дебрях бункером. Но до бункера еще надо дойти. Не доехать – а дойти. Дорога может быть заблокирована. Машина может сломаться или ее угонят. У тебя есть тридцатикилограммовый рюкзак и ты сам. И пара дней, чтобы преодолеть восемьдесят километров. Часть этого пути – по бездорожью. А за тобой ползет радиация, летят ураганные ветра, и каждый встречный мечтает тебя прикончить ради рюкзака. Дойдешь? Нет. Не дойдешь. Потому что мало накупить крутого снаряжения – надо соответствовать ему. Бегать каждый день, ходить в долгие пешие походы с тяжелой нагрузкой, закалять организм. А не пузо до колен отращивать.

Тык… и толстяк сдулся.

А вон у того рот полон гнилых зубов. И вскоре его начнет терзать жуткая зубная боль. Побежит к стоматологу. Тот поможет. Но это сейчас. А когда наступит конец света? Куда пойдет страдалец? Боли бывают такие страшные, что люди головами о стены бьются. И далеко не каждый зуб возможно удалить самостоятельно – новичку в этом деле так уж точно. Занесешь заразу – умрешь. Мозг ведь рядом, инфекции и воспалению всего шажок сделать и готово. Свалишься в горячке. Затем агония и смерть. И раз так наплевательски относится к своему рту – стало быть, либо не верит в конец света, либо просто дурак. Но не выживальщик – тот бы за своим телом следил от и до, включая всегда вовремя подстригаемые ногти. Особенно ногти на ногах.

Долго тогда тот мужичок говорил. Все его слова оказались в блоге моего знакомого. Там и прочел. И задумался.

Дьявол кроется в мелочах.

Самая крутая машина может потерпеть аварию. И дальше придется топать пешочком. И через пятнадцать километров ты сотрешь ноги до крови. Потому что не умеешь ходить на далекие расстояния. Воспаление. Заражение. Смерть.

Ты овладеешь боевыми умениями, станешь мастером рукопашного боя. И тебя убьет зубная инфекция.

Да, ко всему готовым быть невозможно. Но сбросить лишний вес и привести зубы в порядок – это, пожалуй, по силам каждому.

Повертев зуб в руках, я отправил его в туалет. И представил – вот он, тот, кто был здесь до меня, держась за челюсть, с мычанием бродит по коридору не в силах унять терзающую его боль. Он не может спать. Не может есть. Он с остервенением дергает рычаг раз за разом. И бродит, бродит, бродит… и после очередного разворота он видит перед собой восхитительно твердую кирпичную стену. И он начинает разбег, выставив вперед раскалывающийся от боли подбородок… он полон ужасной решимости – либо выбить ненавистный зуб, либо так сильно удариться головой, чтобы хоть на время получить спасительное забвение и унять проклятую боль…

Не приведи Господь…

Нет!

Откуда такие мысли? Откуда во мне надежда на Бога?

Я могу рассчитывать только на себя!

Не стану отрицать существование Господа. Но он уж точно не станет следить за состоянием моих зубов! Это мое и только мое дело! И потому – чисти зубы дважды в день!

Цинга…

Цинга…

Цинга…

Я вспомнил об этом ужасном заболевании прошлых времен и минувших веков. Вспомнил. И содрогнулся. Я человек начитанный. Любопытный. Любознательный. Я еще и фото немало рассмотрел – показывающих во всем ужасе цингу. Смотрел, чтобы проникнуться – и проникся.

Цинга…

Болезнь, вызываемая острым недостатком витамина С. Регулярной чисткой зубов с этим ужасом не справиться. Мне нужен витамин С. Нужен! Он критически важен не только для зубов, конечно. Без него в организме начнется жуткий разлад. Ослабнет иммунная система. Состояние кожи позволит путать меня с зомби. Вялость. Быстрая утомляемость. Боли в пояснице. Я знаю. Я читал. Но никогда не думал, что мне – современному человеку с пачкой витаминов на микроволновке в кухне грозит авитаминоз. Да и на фрукты я всегда налегал. И вот я здесь. В тюремной, мать ее, келье. И что у нас в регулярном рационе?

Хлеб, хлеб, хлеб, пюре и рыба.

Ну – я так думаю. Возможно, следующая порция окажется иной по составу. Если же взять сегодняшний рацион за базовый, регулярный, то нехватка витамина С мне гарантирована.

А как насчет витамина Д? Его получить далеко не так просто. Наш организм создает его после того, как побывал под ультрафиолетовыми лучами. Мы получаем его опять же с пищей.

Важен каждый микроэлемент. Хочу оставаться здоровым и сильным – надо питаться здоровой пищей. Но здесь выбираю не я.

А теперь пора немного поспать. Недолго. Четыре-пять новых циклов. Четырехчасовой сон подарит телу отдых, а воспаленному мозгу перезагрузку.

Я опять устроился под рычагом номер один. Не забыл сделать себе жесткое мысленное напоминание – теперь мне надо дергать два рычага в строгой последовательности. Про третий я пока и не думал – мимоходом потянул его, но он не шелохнулся. Да и щелчка с той стороны не было. Так что – два рычага. Съел сухарь, выпил воды, закутался в одеяло, уселся под рычагом и привалился к стене. Затих.

Сплю…

Сплю…

Сплю…

Подъем!

Дернуть за рычаг. Встать. Быстро, не волоча ноги, пройти до рычага номер два, следя, чтобы с плеч не упало одеяло. Дернуть. Вернуться обратно. Усесться на подстеленную тряпку. Вытянуть ноги. Затихнуть.

Сплю…

Сплю…

Сплю…

Ее красивое лицо искажено криком. Искривив рот, утирая слезы, она что-то кричит, но звук не доходит до моих ушей. Она будто разевающая рот диковинная рыбка в аквариуме. Но мне не надо слышать – я знаю, о чем она кричит. Она не хочет делать аборт. Не хочет слушать моих продуманных логических доводов. Не хочет понимать, что хоть мы и состоявшаяся пара, что хоть мы и вполне обеспечены, нам все равно еще рановато думать о детях. Ведь пока мы можем жить только для себя самих. С появлением в нашей жизни ребенка изменится многое. Слишком многое. Я не готов принести в жертву новой жизни собственную жизнь! Пока не готов! Подождем годика два. Подкопим еще деньжат. Построим семейное гнездо готовое принять и окружить заботой юное дитя. И вот тогда… Но она не хочет слышать. Она трясет головой. Горбится. Элегантное платье висит мешком. Бросив на стеклянный журнальный столик ключи, она разворачивается и выходит. Через миг я слышу первый звук – удар о косяк с силой захлопнутой двери.

Подъем!

Подскакиваю.

Темно…

Хватаюсь за рычаг и тяну, возвращая свет. Комкая у горла одеяло, спешу ко второму рычагу. Горблюсь. Ежусь. Сонное подсознание подкидывает картинку

шагающего между колоколами горбатого звонаря Квазимодо из романа «Собор Парижской Богоматери».

Второй рычаг. Тяну. Он поддается. Спросонья едва не падаю, когда ощущаю давление в пятки и невидимую силу, отталкивающую меня в сторону. Держась за стену, возвращаюсь. Усаживаюсь. Затихаю.

Сплю…

Сплю…

Подъем…

Я провел таким образом не пять, а семь циклов. Семь циклов по сорок восемь минут. Снов больше не видел. Встать хотел гораздо раньше, но тело потребовало своего. И я подчинился. Дал ему долгий отдых. И когда дернул за рычаг последний раз, по коридору раскатился мелодичный звон, мигнул зеленый свет. Зевая до ломоты в челюсти, я поспешил на радостный зов, не сдерживая смех – сравнил себя с собакой Павлова. Там рефлексы нарабатывали, если не ошибаюсь. И здесь рефлексы нарабатывали – мне. Звон? Зеленый свет? Беги к окошку! Тебе дадут вкусняшку! И еще сколько-то дней ты не протянешь ноги с голоду!

Что мне послали злодеи застенные?

Лепешка-поднос. Лепешка-тарелка, почти наполовину заполненная густым варевом. Горох? По запаху очень похоже. Да и по виду гороховый суп. Сморщенное старое яблоко рядом с тарелкой. И все.

Подхватив еду, я отнес ее к столу и приступил к завтраку. Вместо ложки кусочки лепешки, стараюсь не пролить ни капли, наслаждаюсь вкусом. И снова – вкусно! Еда с дымком, скуповато посоленная, с добавлением уже знакомых мне трав. Это вроде бы и горох, но вроде бы и не горох. Все хорошо растерто, поэтому опознать трудно. А приправы и умения повара могут легко исказить исходный вкус до неузнаваемого. Поэтому я просто жадно ел. Одеяло по-прежнему свисало с плеч, сохраняя скопленное под ним тепло. Горячая еда добавляла ощущение некой «домашности». Мне было хорошо. Прямо хорошо…

Но хоть и увлекся, яблока я не тронул.

Отложил его в сторону. Остальное съел до крошки. Потянулся. Снял и сложил одеяло. Приступил к гимнастике. Приседания, наклоны вниз и в стороны, махи руками. Сонное тело слушается с неохотой, но оживает с каждой секундой. Раздеваюсь. Пробежка до кормильни. Принимаю быстрый душ. Старательно полощу рот. Процедуры по полной программе. Только так и никак иначе.

Яблоко…

Все время думаю о нем. Яблоко… какое оно на вкус? Кислое? Сладкое? Кисло-сладкое? В нем точно есть витамин С. И не только он. А еще в нем есть кое-что другое…

Действуя ножом осторожно, будто неопытный хирург, я разрезаю яблоко пополам. И едва плод распадается, сразу вижу его – семечко. Пузатое крупное семечко, лежащее в плодовой суховатой мякоти. В нос ударил яблочный аромат. Не выдержав, я отрезал тонюсенький ломтик и положил на язык. Жеванул. И прищурился от удовольствия. Скорее кисло, чем сладко. Но вкусно…

Вскоре я разрезал все яблоко на тоненькие ломтики. Отдельно отложил яблочные семена. Коричневые. Пузатые. Кусочки яблока поднял на тканевый полог и положил сушиться рядом с хлебом. Витамины. Вкуснятина. В период плохого настроения не помешает кусочек сладкого сухофрукта на языке.

Семечки…

Я разрезал вдоль пластиковую бутылку. Получилось два длинных горшка. Пустых. Вернувшись к тупику, к очищенным и проверенным секторам, собрал остатки мусора. Придирчиво осмотрел. Понюхал. Черт его знает. Тут сложная смесь. Пахнет гадко. При растирании пальцами среди «размазни» ощущаются твердые комочки. Что-то вроде крохотных камешков. Мне в любом случае особо выбирать не из чего. Да и сажать я пока ничего не собираюсь – просто проверил, есть ли возможность набрать достаточно «грунта».

Вернувшись к столу, поместил яблочные семечки между двумя слоями влажной ткани. Прихватил гирю. Отнес сверток к ледяной стене и положил рядом. Где попрохладней. Оценивающе оглядел ледяную стену. Она отступила. Сантиметра

на два-три. Из-под стены показался кусок мокрой темной тряпки. Очередной мусор. Под потолком щель стала шире. По льду стекала вода. Качнув гирю, нанес удар. Разлетелись ледяные осколки. Я поморщился от боли в ноющих после тренировки мышцах. Отвыкли мышцы от нагрузки. Вот и разомнутся еще разок. Бил гирей до тех пор, пока не вспотел. Подгреб льда к тряпке с семенами.

Уперев руки в бока, встал перед ледяной стеной и смерил ее взглядом.

Ты отступишь.

Ты обязательно отступишь пред моим натиском.

Постояв минуту, подобрал гирю и зашагал обратно.

Я отдохнул. Я поел. Я бодр и полон сил.

И впереди у меня много работы. Так не стану же терять время.

Глава четвертая

Еще пара часов с небольшим, и я очистил и проверил десять квадратов. Частично заполнил собранной вонючей смесью горшки из разрезанной пластиковой бутылки. Нашел большую пластиковую пуговицу с четырьмя отверстиями. Едва не напоролся пальцем на длинный и тонкий стеклянный осколок.

Дергая в очередной раз за рычаг, осознал, что это уже пятнадцатый раз. Временной интервал должен увеличиться вдвое. С сорока восьми до девяноста шести минут. Полтора часа чистого времени. Я рад достижению. Но, шагая к рычагу номер два, я понимал – манна небесная не может падать вечно.

Предположим, что через пятнадцать опусканий первого рычага временной интервал увеличится вдвое еще раз. То есть с девяноста шести до почти ста девяноста двух минут.

Через пятнадцать раз еще вдвое?

До трехсот восьмидесяти четырех минут чистого времени? До почти семи часов чистого времени?

Сомневаюсь. Какой тогда смысл держать тут узника? Чтобы он дергал два рычага три раза в сутки?

А потом два раза в сутки?

Следом один раз в сутки?

И так дальше и дальше, пока рычаг не придется дергать всего один раз в месяц?

Бред.

Чистый бред.

Лишено смысла.

Кормить кого-то два раза в день, согревать и освещать камеру. И ради чего? Чтобы два-три рычага дернули по разу в месяц?

Нет.

Интервал не может увеличиваться до бесконечности.

Возможно, текущий лимит – девяноста шесть минут – и есть верхний предел. Не стоит ожидать большего. Не следует надеяться на такое чудо. В любом случае я смогу убедиться в этом через… сколько?

Девяносто шесть минут. Пятнадцать раз дернуть за рычаг. Умножить пятнадцать на девяносто шесть… неплохая задачка для отвыкшего от математики мозга. Но у меня получилось.

Тысяча четыреста сорок минут.

Очень знакомая и часто повторяемая цифра. Используемая во многих лозунгах и призывах.

«В сутках всего тысяча четыреста сорок минут – распорядись ими с умом!»

Сутки. Двадцать четыре часа.

Через сутки с небольшим я узнаю, будет ли увеличен интервал или же он останется равен девяноста шести минутам.

Я дернул второй рычаг. И присел – толчок в пятки оказался удивительно сильным. Будто везущий меня куда-то вагон подпрыгнул. Ощущалось и ускорение.

Проклятье… как же хочется узнать, на самом ли деле тюремная келья куда-то движется. И если да – то каким образом и куда. Но кто бы мне сказал! Ладно. Сам докопаюсь.

Мелодичный звон заставил меня взвиться к потолку прямо из сидячего положения. Приземлившись, рванул к кормильне. Понеслись навстречу кирпичные стены. Едва успев затормозить, сунулся в кормильню. Подхватил подношение.

Или подачку?

Да плевать!

Взяв обжигающую руки еду, отшагнул, и тут заметил блеск темного стекла. Ругнувшись, перехватил лепешку одной рукой, другой схватился за горлышко бутылки. Ниша со скрежетом закрылась. Зеленый свет погас. Я побежал к столу.

Вот это точно бонус. Награда от тюремщиков, мотивирующая узника на дальнейшие достижения. Другого объяснения для внеочередной кормежки быть не могло. Да еще и бутылка! И еду обычной назвать нельзя. У меня нос вот-вот взорвется от переполняющего его запаха. А рост истекает слюной.

Что у нас тут?

Лепешка-поднос. На ней лежит целая жареная рыба. В длину с мою ладонь. Очищенная от чешуи. Пялится на меня запеченным укоризненным глазом. Беззубая пасть приоткрыта. Выпотрошенное брюхо сплюснуто. Запах сводит меня с ума…

Целая рыба! Господи!

В бутылке?

Полна на треть. Заткнута деревянной пробкой. Именно деревянной. Длинной. Небрежно воткнутой в горлышко и поднимающейся над ним еще сантиметра на четыре. Грубо отесанная ножом. Древесина свежая – будто час назад кто-то подобрал толстую ветку, пару раз строганул ножом, отрезал излишек и вот пробка готова. Вытащив пробку, вдохнул запах. Вино. Его даже чуть меньше, чем треть бутылки. Давным-давно я где-то читал, что в некоей стране считалось нормой подавать к столу едва заполненную бутылку вина – потому что его следовало щедро разбавлять водой из поставленного рядом кувшина с водой. В результате получалась едва-едва розоватая вода со слабым запахом вина и при этом лишенная большинства болезнетворных микробов. Поэтому я увидел в почти пустой бутылке безмолвное приглашение заполнить ее питьевой водой. Нет. Спасибо. Откажусь.

Рыба…

Обжигаясь, я принялся за трапезу. Мне не сохранить жареную рыбу. Я могу сделать холодильник с помощью тряпок и льда. Но долго ли он продержится? Лучше иметь запас сухарей и сухофруктов. Это отличное продовольствие.

Рыба таяла на языке. Ее почти не требовалось жевать. Белое мясо было сочным и нежным, совсем не отдавало тиной. Пока ел, рассматривал угощение. Я не рыбак. Вот совсем не рыбак, к сожалению. Почему к сожалению? Потому что это хобби крайне полезно с практичной точки зрения – гарантировано свежая рыба к своему столу. Можно и закоптить. Вкуснятина. И полезно. А еще, если рыбачить в одиночестве, долгие часы просиживая на речном бережку или покачиваясь в лодке… столько всего можно обдумать неспешно, глядя как приплясывает на воде поплавок.

Но я не рыбак. И рыбу соответственно не узнал. Но речная. Точно речная. Даже по вкусу речная. И очень необычная на вид – тулово плоское и при этом очень высокое, горбатое, хвост короткий, голова массивная. Костей кстати много. Но они крупные. Их я откладывал отдельно. Вдруг что смогу из них смастерить? Иголку? Шило? Если порыться в голове, может и накопаю какое полезное знание. Если не накопаю – выброшу кости в отхожее место. И вряд ли я что вспомню. Единственное что приходит в голову – вроде бы из рыбьих костей раньше варили клей. Даже не клей, а клейстер. Знать бы еще, чем они отличаются. Клейстером вроде бы подклеивали обувь… или нет… возможно, им приклеивали оперение к стрелам. Черт его знает. Голова не выдает ничего, кроме странных обрывков текста и картинок.

Лепешку-поднос я съел наполовину. Выел середину – пропитавшуюся маслом и рыбьим жиром. Остатки нарезал на длинные тонкие ломти и поднял к потолку. Положил на тряпичный полог. Оглядел подсохшие сухари и яблоки. Никаких насекомых я здесь не видел – чему жутко рад. Только паразитов не хватало. Ни муравьев, ни тараканов, ни клещей. Отрадно.

Вытащив пробку, сделал небольшой глоток вина. Зажмурился. Хорошее молодое вино. Уж в этом разобраться могу. Совсем молодое вино. Красное. Сделать еще глоток этого нектара? Нет. Перебьюсь как-нибудь. Вино надо беречь. Я начал вставлять тугую пробку обратно в горлышко, когда она неожиданно словно шевельнулась у меня в руке. Вздрогнув, разжал ладонь, глянул. И увидел тонкую темную щель, бегущую от нижнего конца пробки к верхнему, кончающуюся сантиметрах в трех от верха. На эти три сантиметра пробка и торчала из горлышка.

Видать, дернули ножом слишком сильно и расщепили пробку. Но узнику не все ли равно, как выглядит выструганная из ветки пробка? Воткнули в бутылку и отправили сюда. Все одно сиделец вино вылакает и бутылку вместе с пробкой выбросит.

Жалко. Пробка такая длинная, что я уже примерился, можно ли выточить из нее что-нибудь полезное – рукоять для шила, к примеру. Но может все не так плохо? В любом случае пришлось бы разрезать деревяшку на две части. Гляну… взяться вот так и чуть потянуть в стороны.

Пробка бесшумно разделись на две части. Следом легкий хруст, и у меня в руках оказалось по деревяшке. С удивлением увидел глубокий желобок. На стол упал свернутый листочек сероватой бумаги. Шлепнулся крохотный тряпичный мешочек перетянутый ниткой. Прокатилась и замерла темная крупная горошина.

Я застыл у края стола.

Это еще что такое?

Чего не ожидал того не ожидал.

Так…

Мягко отложил части пробки. Взял листок. Развернул. Как и следовало ожидать, это записка. Послание, спрятанное в винной пробке. Пальцы невольно задрожали, перед глазами поплыло. Получить весточку столь неожиданно. Успокойся, успокойся, сначала прочти…

«Пока ОН в узилище пребывает – пребудешь в нем и ты! С его свободой – обретешь ее и ты! Крепись! Все в наших руках! Коль душа твоя в смятенье, коль ты устал и хочешь спать – проглоти горошину. Успокоенье чувств подарит, сон отступит, а сил прибудет! Коль пресность пищи надоела – в мешочке найдется несколько щепоток жгучего перца. Он вернет аппетит. Крепись! И верь в освобожденье! Трудись исправно, вздымайся выше! И вскоре я дам о себе знать еще раз!»

– Та-а-а-ак… – протянул я с крайней задумчивостью, опуская листок на стол. Машинально придавил его обломками пробки, положил на листок темную горошину. Рядом разместил мешочек.

Вдумчиво перечитал послание. Почесал переносицу. Прочел еще раз. Первая часть яснее не стала. Зато с предложения про горошину все очень даже понятно.

Горошина – это некий энергетик. Плюс воздействует на настроение. Успокоительное для мозгов и бодрящее для тела.

Мешочек – острый перец. Приправа. Тоже резонно. Получаемая пища мне очень нравится. Жареная рыба вообще восторг. Но это пока. Если рацион не богат разнообразием, то скоро мне наскучит один и тот же вкус. И щепотка острого перца придется очень кстати.

С этим разобрался.

Осторожно взяв горошину, принюхался. Что-то травяное, пряное. Еще пахнет медом. И чем-то вовсе незнакомым. Загадочный энергетик с неизвестным составом, сроком действия и силой воздействия на организм. Вполне может так дать мне по мозгам, что превращусь либо в беснующуюся мартышку, либо в безвольный овощ, лежащий в углу. В любом случае я не собираюсь доводить себя до такого состояния, чтобы мне понадобился энергетик сильнее кружки кофе. Поэтому горошина прямиком отправляется в жестяную коробочку для леденцов «Друг рыбака».

Мешочек с перцем. Развязал. Не дыша, заглянул внутрь. Красный. Молотый. Лизнул мизинец, собрал пару красных крупинок. Мазнул по языку. Через мгновение язык обожгло. Сощурившись, помотал головой, удовлетворенно хмыкнул. Злой перец. Но злой в меру. Самое-то. Его к моим съестным припасам.

Теперь попытаюсь разобраться с остальным текстом.

«Пока ОН в узилище пребывает – пребудешь в нем и ты! С его свободой – обретешь ее и ты!»

Кто ОН?

Кое-что понятно изначально – он тоже узник. Такой же, как я. Скорей всего, заключен в подобную моей камеру с рычагами. Или нет. Может только у некоторых одиночный режим. А ЕГО держат в общей камере. Или нет. Но главное – он очень важен. Важен для того, кто написал записку. И важен конкретно для меня – ибо по записке ясно: когда освободится он – освобожусь я.

Как так может случиться?

Как судьба одного узника может повлиять на судьбу другого?

Разве что первый узник действительно важная особа. Настолько важная, что выйди он на свободу, одного его слова будет достаточно для моей свободы.

Только ли для моей свободы?

Или для упразднения всей это странной системы?

Черт… даже если это не бред, если слова в записке правдивы, если есть тот, чье освобождение может даровать свободу и мне, то кто он? Что за должность может занимать? Диктатор, осужденный за воинские преступления, чьего освобождения добивается верная клика? Или наоборот – демократ, попавший под удар тирании и угодивший в мрачные застенки. Выйди он – придет к власти и упразднит ужасную тюрьму.

Не угадать.

Король? Может быть, он король? И его сюда кинул узурпатор трона?

Ага. Средневековье прямо. Еще добавить Железную Маску и получится настоящий приключенческий фильм.

Что-то логика начала хромать. Версию с королем отбрасывать не стану – кто знает, где я очутился? Я помню вспышку, принесшую меня сюда – но развивать пока эту версию не стану. Обожду.

Заключительная часть записки…

«Крепись! И верь в освобожденье! Трудись исправно, вздымайся выше! И вскоре я дам о себе знать еще раз!»

Так…

«Крепись» – тут все понятно. Одиночный режим мало кому идет на пользу.

«Верь в освобожденье» – много такие слова не стоят. Не более чем ободрение. Хотя и за это спасибо.

«Трудись исправно» – ладно, согласен, что это правильное пожелание. Чем больше работаю, тем, как оказалось, больше бонусов и больше связей с «волей». Оттуда же мне вино послали с пробкой-посланием.

«Вздымайся выше» – вот это уже прямо интересно. Как трактовать послание? В буквальном или переносном смысле? Я помню толчки в пятки, когда дергал второй рычаг – толчков было уже несколько. Ощущение будто я в лифте.

«И вскоре я дам о себе знать еще раз» – прямое обещание. Продолжу трудиться, продолжу «вздыматься» и получу еще один или несколько бонусных обедов, в каждом из которых может оказаться новое послание.

И я этого хочу – и бонусных обедов и посланий. Чем больше ресурсов и информации я получаю, тем лучше.

Хорошо… хорошо…

Заткнув бутылку плотно свернутым обрывком чистой тряпки, я дошел до рычага, дернул его, удивленно констатируя, что и не заметил, как прошло полтора часа! Я задумчиво сидел над посланием, а секунды и минуты бежали и летели. И да – надежды оправдались. Временной интервал увеличился до девяноста шести минут. Первый раз за рычаг я дернул только что. Еще четырнадцать раз. Чуть меньше чем через сутки я узнаю, будет ли интервал удвоен еще раз.

Опять взялся за записку и пробку. Из них можно выудить еще немного информации.

Бумага. Толстая. Грубая. Шероховатая. Настолько плохой бумаги я не видел никогда. В ней заметны какие-то посторонние вкрапления. Какие-то рваные волокна. Похоже на тряпку. Слова записки написаны без ошибок, использовалась не гелевая и не шариковая ручка. Очень похоже на след чернильной ручки. Чернила темно-синие, почти черные. Почерк уверенный, но торопливый. Отсутствуют завитушки и прочие украшательства.

Пробка. Оструганный обломок ветки. Я поднес его к носу. Вдохнул запах. Не ель. Не сосна. Во время давних походов часто рубил ветви этих деревьев и запомнил их запах. Да и по виду не они. И не береза. Как не искал остатков коры, не нашел. Дерево не опознал.

Ладно. Посидели и хватит.

Мешочек с перцем убрал к съестным припасам, предварительно убедившись, что там абсолютно сухо. Пробку приткнул там же. Надо подумать, что из нее можно сделать полезного в моем быте. Записку спрятал в жестянку из-под леденцов. Поглядел на перекатывающуюся внутри горошину и захлопнул крышку.

Следующие несколько часов я упорно трудился над очисткой пола у кормильни, шаг за шагом отступая дальше в коридор. Пятился как рак. Или как улитка – накатывался на очередной квадрат загаженного пола, чуть задерживался, отступал дальше. А квадрат пола сиял чистотой.

Пошли очередные открытия.

Открытия грустные, вызывающие размышления.

У стены я очистил два квадрата испещренных неглубокими вмятинами. Не меньше сорока округлых отметин. Они были и на стене, до которой я еще не добрался. Нетрудно догадаться об инструменте, сделавшем эти повреждения. Гиря. Тут неистово размахивали пудовой гирей. Ей пытались проломить пол и стену. Кто-то делал это либо сгоряча, либо от отчаяния. Я прикинул разброс ударов и только покачал головой. Никакой системы. Он просто бил вокруг себя, крутился, поднимал и опускал гирю, швырял ее. Выдохся, обессилел, прекратил. Кирпичи еще раз доказали свою прочность и странность материала – устояли перед настолько тяжелым снарядом.

Там же, в одной из выбоин, нашел иглу от шприца. Чуть согнутая. Пластиковая пипка в наличии. Получается игла от шприца относительно современная. Такие я видел в больнице, где проходил регулярный профилактический осмотр. Ими брали кровь из вены. Видимо, у кого-то из сюда закинутых бедолаг игла оказалась в кармане. А сам шприц? Мне бы он пригодился для чего-нибудь. Но поиски шприца не дали результата. Иглу отнес к столу, попутно дернув первый, а затем и второй рычаг. Проверил и третий. Но тот не поддался. Что можно сделать с чуть погнутой иглой от шприца? Понятия не имею. Может, потом придумаю.

Следующее открытие – выбитый частично шов у одного из прилегающих к стене кирпичей. Кирпич пытались вынуть. Цели могли быть разными. От желания сделать лаз для побега, до попытки создать тайник. Мои предположения оправдались – изнывающие от безделья и желающие вырваться на свободу узники не сидели без дела и что-то да делали в камере. А я сейчас, подобно археологу, вскрываю свидетельства их деятельности.

Вера. Сердечко. Сережа. Последние две буквы едва-едва процарапаны, можно сказать, просто помечены.

Вера любит Сережу. Я помню паспорт на имя Сергея, рожденного очень-очень давно. Может, Сергей гирей махал? Потом обессилел, упал, чем-то острым выцарапал имена и сердечко. Может, прямо тут и умер? Да нет. Это уже мое воображение разыгралось. Но какая-то драма на этом месте определенно случилась.

А чем Сережа надпись царапал? Ножом, что в тайнике? Возможно. А вдруг нет? Вдруг каким-то другим предметом?

Я принялся искать. Первым делом проверил пол рядом со стенами. Именно туда может отлететь предмет задетый ногой. Именно у стен и в углах всегда скапливается пыль, грязь и всякая мелочь. Прошел несколько метров гусиным шагом. Потыкал в густую поросль у стен. С легким звоном выкатилось сразу два предмета. Через несколько секунд я очистил и опознал предмет. Столовая алюминиевая ложка. Странно расплющенная. На черенке отчетливая надпись «М. Сергей». Черенок сломан посередине. Вот ею надпись и выцарапывали. Пока ложка не сломалась.

Я решил прерваться. Поясницу ломит. А впереди еще тренировка. Первым делом заглянул в тайник. Усевшись на стол, разулся. Тщательно вытер ноги, осмотрел ступни, убеждаясь, что нет повреждений. Эту же процедуру повторил с руками. Все в порядке. И хорошо, что я не напоролся на иглу от шприца. Осмотрев черенок ложки, я убедился, что он достаточно прочен. Но металл мягкий. Алюминий. Но мне не кирпичи им царапать. Взяв расщепленную пробку, я принялся примерять предметы один к другому. Чуть повернуть здесь. А тут придется очень осторожно подрезать дерево. Очищенные от изоляции провода подойдут как крепеж….

Через полчаса в моих руках был странный инструмент – черенок столовой ложки с деревянной рукоятью, перетянутой очищенным от изоляции проводом. Сверху аккуратно намотал узкую полоску тряпки. И готово.

Скребок. Мой первый созданный собственноручно инструмент. Хорошо послужит мне в деле очистки от мерзкой черной плесени на стенах и полу. Немного подточить его об угол кирпича и можно возвращаться к работе. Или немного перекусить?

Будто услышав меня, раздался лязг, мелодичный звон, мигнул зеленый свет. В зоопарк принесли еду. Я, как и положено послушному питомцу, вскочил и наспех обувшись, поспешил к кормильне. Забрал еду, вернулся к столу. Глянул с большим интересом. Лепешка-поднос. Миска с густым супом. Брусок хлеба лежит отдельно. Нет и кусочка рыбы. Супа столько же, как и в прошлый раз. Прикинул время. Получается, кормежка два раза в сутки с интервалом в восемь часов. Но есть надежды и на третий прием пищи. Время еще тикает. Прислушавшись к своим ощущениям, понял, что не голоден. Поэтому съел только суп вместе с тарелкой. Остальной хлеб нарезал и уложил на тканевый полог. Спустил вниз уже высохшие сухари. Сухофрукты трогать пока не стал – пусть дальше сохнут. Тщательно вытер стол. И отправился в туалет – многовато я ем в последнее время. Но рад этому. Мне нужны силы.

«Пока все хорошо», – подытожил я, покидая туалет.

Запасы еды растут. Появляются новые инструменты. Кто-то снаружи отправил мне туманное послание, прикрепив к нему пару подарков. Я знаю, что и как делать дальше – исправно трудиться день за днем. Становиться сильнее. Приглядываться и прислушиваться.

«Пока все хорошо», – повторил я мысленно. – «Все хорошо…»

Глава пятая

Оглушительно чихнув, я со стоном приподнялся и потянул рычаг. Повис на нем как тряпка. Он и поднял меня на подкашивающиеся ноги. Держась за стены,

придерживая одеяло, добрался до второго рычага. Дернул его. Охнул от пронзившей спину боли. Поплелся обратно к нише, превращенной в гнездо серьезно заболевшего.

Как же мне нехорошо…

Лишь бы не сдохнуть…

Нет. Не так. Если сдохну – еще полбеды. Хотя бы не будет обиды и разочарования. А вот если из-за болезни пропущу момент, когда надо дергать рычаг… не хочу возвращаться к началу.

Я свалился с болезнью примерно через восемь часов после последнего приема пищи. Третьего угощения, кстати, не последовало. Но за восемь часов я отчистил много квадратов пола. Выполнил упражнения с гирей. Поработал над ледяной стеной, заодно убедившись, что она немного отступила. Тряпка под ней оказалась краем какой-то одежды. Клеенчатый плащ или вроде того. Дальше во льду что-то темнеет еще. Я попытался вытащить тряпку. Не получилось. Поработал гирей, затем испытал на льду скребок. В качестве ножа для льда он оказался вполне работоспособен. Убрал кучу колотого льда. Убедился, что на полу лежит клеенчатый плащ, снабженный карманом с большой деревянной пуговицей. Карман я вскрыл, посмотрел, что внутри. Пустой аптекарский пузырек со старомодной резиновой пробкой. В пузырьке белый комковатый порошок. Первое, что на ум пришло, – соль. Порой не хуже перца убирает пресность еды. Пока работал над плащом, весь промок. Опомнившись, побежал сушиться, кляня себя за поспешность – азарт меня обуял.

Просохнув, немного поел. Лег спать. И через полтора часа проснулся больным. Сухой кашель. Температура. Горло и рот пересохли. Спина. Боль в боках – там, где почки. Тотальная слабость. Ломота в суставах. Оценив общее состояние, пришел к простому и единственному выводу – это вирусное заболевание. Грипп. Я уберегся от холода, но крохотные микробы легко поставили мне подножку и уронили.

Откуда взялся вирус?

Я видел два варианта – либо я его подцепил, очищая пол. Либо возясь с торчащей из-под ледяной стены клеенчатой тряпкой. Я ставлю на последнее.

Почему?

Потому что «темнеющее» во льду, сначала мною неопознанное, во время короткого лихорадочного сна, само собой как бы развернулось чуть перед моим взором и превратилось в безвольно разжатую ладонь с торчащими вверх скрюченными пальцами с черными ногтями. Во льду лежал очередной мертвец. В клеенчатом плаще. И пока я возился с его оттаявшей одеждой, вирус ожил и атаковал меня. И я свалился.

Перспективы очень нерадостные – раз уж тот мужик скопытился. Ведь самая очевидная причина смерти – болезнь. Грипп. Как мужик заразился? Либо через какую-то вещь или останки предыдущего узника. Либо же принес болезнь с собой. Побеседовал «там» с хитрым мужичком. Тот и не в курсе был, что в теле будущего узника гнездится грипп, что вот-вот вылезет наружу. Сиделец прибыл сюда. Подергал рычаги день-другой. И свалился с болезнью, от которой так и не оправился. Смерть. Зовите следующего.

Но почему тело не убрали? Я со своим предшественником быстро разобрался – так подсказывает логика и инстинкт самосохранения.

Может, когда здесь появился очередной узник, труп был уже погребен подо льдом? Запросто. Вряд ли я узнаю всей правды. И большой вопрос сумею ли победить болезнь.

Стоп.

Откуда такие мысли?

Может, это даже не грипп. Просто я так решил. Или грипп слабенький. Мужика он доконал, потому что тот не ел, был мокрым, был усталым или подкошенным другой болезнью. Вариантов много. Я же был здоров. Поэтому меня все шансы победить болезнь! И только такой настрой мне и нужен…

Ох…

Как же больно садиться. Одеяло не греет. Меня трясет. Прижимаю к пересохшим губам горлышко бутылки. Жадно пью воду. Выпиваю не меньше литра. Теперь

надо отдохнуть. Когда проснусь в следующий раз, заставлю себя поесть сухофруктов и сухарей. Затем, еще через несколько интервалов, мне выдадут обед. Горячий обед. Я обязан буду съесть его до крошки. До крошки! Телу нужна энергия, чтобы бороться с болезнью. В яблоках есть витамин С. Он точно не окажется лишним. У меня есть таблетки, содержащие аспирин. Приму одну. Через один интервал. Я разберусь с чертовой болезнью! Ей меня не сломать! И я не позволю своей слабости нарушить установившийся ритм! Рычаги будут дергаться вовремя!

Крепись!

Крепись!

Что-то темное ворочается внутри моей пылающей головы. Кто-то из сумрака шепчет мне непонятные слова. Он пытается достучаться до меня, но я не понимаю. Он? Она? Не могу определить пол шепчущего. Да и глупо определять пол того, кого попросту нет – он существует только у меня в голове. Его породил мой заболевший разум, мой мозг, что сейчас плавится в горниле поднявшейся температуры.

Крепись!

Спи!

Спи!

Сон лечит!

Ах…

Рывком пробуждаюсь, хватаю руками воздух. Ничего не вижу в темноте. Только не это… Ударяю запястье о металл рычага. Сильно ударяю. Хватаюсь, дергаю. В зажегшемся свете бреду ко второму рычагу, молясь, чтобы он поддался. Если нет – то я все проспал. Придется начинать сначала. Рывок… рычаг с кажущейся неохотой идет вниз. Щелчок. Келья чуть вздрагивает. Я, всхлипывая от облегчения, плетусь обратно к нише, размазывая по лицу слезы радости. Не проспал. Я не проспал. Как же хорошо…

Мне вроде бы легче. Или это обманчивая легкость? Тело будто воздушное. Что я там обещал сам себе? Ах да…

Неверными руками достаю таблетку алька-зельтцера. Бросаю в бутылку. Прижавшись горящим ухом к холодному стеклу, застываю в блаженстве, слушая, как шипит растворяющаяся таблетка. Когда шипение стихает, выпиваю половину воды. Достаю из банки сухарь. Вроде только что пил, но во рту опять сухо. Приходится размачивать куски сухаря водой, подолгу держать их на языке. Вверху под потолком есть ломтики яблока. Но я не рискну забраться на стол – меня немилосердно шатает. Мне так плохо, что не передать. Плечи под одеялом ходят ходуном. Позвоночник ломит так сильно, что я уже сомневаюсь, что подхватил грипп.

Может, другая болезнь с частично схожими симптомами?

Доев сухарь, почти падаю в нишу и затихаю под одеялом. Руки и ноги ватные. Нет. Мне не легче. Просто было затишье перед бурей. Касаюсь затылком стены и мгновенно отключаюсь. Вижу над головой стремительно уходящий вверх рычаг. Тянусь к нему изо всех сил, но дотянуться не могу.

Крепись…

Крепись…

Встань!

Светло. Внутренний хронометр сбоит. Не могу даже примерно сказать, сколько времени пробыл в забытье. Одеяло мокрое – я сильно потел. Рубашку хоть выжимай. С трудом раздевшись, дрожа от холода, бросил рубашку на стол, одеяло перевернул другой стороной и накинул на плечи. Прислоняюсь плечом к стене. Стою. Жду. Когда гаснет наконец свет, мне надо лишь чуть-чуть нажать вниз – руки уже на рычаге. Теперь срочно шагать к рычагу номер два…

Крепись.

Крепись.

Волна леденящего холода поднимается от пяток к шее. Грудь сдавливает, становится тяжело дышать. Я с сипом загоняю воздух в легкие.

Крепись.

Крепись…

Если мне станет совсем плохо, то рискну проглотить ту загадочную горошину, обещающую прилив сил и бодрости. Возможно, она поможет продержаться, когда почувствую, что начинаю вырубаться. Мне нельзя ломать ритм. Нельзя проспать. Пропустить момент. Если припрет – использую опасное средство.

* * *

Болезнь я победил. Примерно за сутки. Причем последние десять с чем-то часов я вообще не помнил! Но свет горел. Оба рычага слушались. Как раз, когда очнулся, кормильня выдала мне – стандартный набор, вместо рыбы поверх хлебного бруска лежал небрежно отрезанный кусок колбасы. Кровяной колбасы, кажется. Пахло очень вкусно.

Прием пищи я отложил. Потому как воняло от меня жутко. Я не обделался. Но в штаны напрудил. Не знаю, сколько раз обильно потел, обсыхал и снова потел. Джинсы и одеяло все в белых разводах соли. В общем, сначала я решил привести себя в порядок. Потратил на это целый час, но отдраил себя, выстирал одежду и одеяло с простыней. Все развесив, подошел к столу. Прислушался к себе. Живот обрадованно урчал. Натруженные сутки назад мышцы еще ныли. Температуры нет. Ощущаю легкую слабость, но на ногах стою крепко.

Погас свет.

Чертыхнувшись, уверенно прошел в темноте, дернул за рычаг. Поспешил ко второму рычагу. Потянул за него. Успокоено зашагал к столу, где дожидалась трапеза. Шагал голым, но не переживал по этому поводу – на меня тут смотреть некому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dem-mihaylov/perekrestok-odinochestva

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить